

Андрей Буторин
БутАстика (том II)

«Издательские решения»

Буторин А.

А. Буторин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747573-4

Во втором томе сборника фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанры «любовная фантастика», «детская фантастика» и «сюрреализм, прочее».

ISBN 978-5-44-747573-4

© Буторин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Я буду любить тебя вечно	8
Три кита	8
Люба	14
Ради любви	19
На хрена козе баян?	24
Поллюбить мечту	28
Антигорох для «принцесс»	33
Йалокин	37
Щель времени	44
Дважды живой	48
Может быть	61
Июньская развилка	67
Сергей Сошников. 5 июня 20.. года, вторник	67
Стрелочник. 5 июня 20.. года, вторник	71
Сергей Сошников. 12 июня 20.. года, вторник	73
Подсадка	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

БутАстика (том II)

Андрей Буторин

© Андрей Буторин, 2016

© Андрей Буторин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать объединенный сборник в двух томах, где создал отдельные разделы – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Во втором томе «БутАстики» я выношу на суд моих уважаемых читателей рассказы, представляющие поджанры «любовная фантастика», «детская фантастика» и «сюрреализм, прочее».

«Любовной фантастики» у меня не очень много, но все-таки на небольшой раздел хватило.

Что касается «детской фантастики», то писать для детей, для подростков, для юношества в целом мне очень нравится. Надеюсь, и моим юным читателям понравится то, что я делаю для них.

Последний из шести разделов принадлежит не только поджанру «сюрреализм», как я планировал вначале, но в него также вошли и несколько рассказов, не относящихся напрямую ни к одному из представленных в этом сборнике поджанров. Также я разместил здесь и миниатюры, которые вообще относятся к разным жанрам/поджанрам, даже не всегда к фантастике.

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

Искренне ваш,
Андрей Буторин

Я буду любить тебя вечно (Любовная фантастика. Рассказы)

*Будь хоть сто параллельных миров,
Пусть в игру нами кто-то играет —
Все равно побеждает любовь,
Хоть она этих правил не знает.*

*И в программе ее не учесть —
Для нее не придумано кода,
Потому что любовь просто есть,
Как есть крылья у птиц для полета.*

*Разлетаются в бездне миры,
Словно битую их кто-то вышиб...
А любовь все равно вне игры,
Потому что она ее выше.*

(Стихи автора)

Три кита

Писатель смотрел на море. Темное, угрюмое, раздраженно-ворчливое, оно совсем не походило на себя летнее, хотя все равно завораживало, притягивало взгляд.

Он давно мечтал приехать сюда поздней осенью или зимой, чтобы получать вдохновение от моря и в то же время не отвлекаться на курортную суету, не поддаваться всеобщему настроению безделья и празднества.

Наконец свершилось. Он здесь, у ноябрьского моря. Чувствует на губах вкус солоноватой водной пыли. Вдыхает пряный холодный воздух, который все еще держит в себе остатки запахов лета. Небо, как и море, тяжелое, хмурое. Но это и к лучшему; такое небо не дает расслабляться, настраивает на рабочий лад.

Впрочем, работать почему-то не хочется. В голове ни одного сюжетного хода, не рождаются образы. Может быть потому, что он еще не надышался, не налюбовался тем, к чему так долго стремился? Да и куда спешить? Времени теперь предостаточно.

Писатель вздохнул, невольно вспомнив Ларису. Жену. Теперь уже бывшую. Но боль потери ушла, осталась где-то там, далеко-далеко, откуда он прибыл. Теперь он чувствовал только легкую горечь, едва уловимую, как вкус морских брызг.

Странно, но он сейчас, подумав, что Лариса далеко, вовсе не стал вспоминать, где именно. Будто памяти это было совсем безразлично, не нужно. Словно он приехал не из конкретного города, а появился здесь и сейчас ниоткуда — просто возник из холодного, напитанного морскими брызгами воздуха, и все его мысли и чувства сотканы из солоноватой, с привкусом легкой горечи пыли.

Отвлекившись на эти путанные размышления, писатель не заметил, откуда на пустынном галечном пляже взялась она... Женщина в синем закрытом купальнике. Будто бы тоже соткалась из густого, влажного воздуха. Или вышла из моря, что казалось сейчас еще большей дикостью.

Хрустнула галька – и он увидел ее. Она стояла, склонив голову набок и вытирала полотенцем длинные темные волосы. Впрочем, темными они казались потому, что были мокрыми. Как и ткань купальника; как и покрытая мелкими пупырышками кожа.

Писатель невольно поежился.

– Вы что, купались?..

– А почему нет?

– Но ведь очень холодно!

– И что?

Вероятно, она предпочитала отвечать на вопросы вопросами. А может выбирала такую манеру как защиту от любопытных мужчин. Подумав так, он смутился.

– Да нет, ничего. Извините. Просто... неожиданно как-то. Мне вот и в плаще холодно. – Он снова поежился. Причем совершенно невольно, всего лишь от взгляда на «гусиную кожу» купальщицы.

– А вы знаете, что холода нет? – внезапно спросила она.

– Как это нет?

– Очень просто. Его нет в принципе. Это условность, придуманная людьми. Холода нет, есть отсутствие тепла. Как нет темноты...

– ...а есть отсутствие света, – улыбнувшись, закончил писатель.

– Но не это самое страшное, – кивнула она, продолжая вытирать волосы.

– А что?

– Неважно. Если не знаете, то говорить бесполезно. – В голосе женщины послышался холодок. Похоже, она сожалела, что начала эту тему.

Раздосадованный, что огорчил незнакомку, писатель обернулся к морю. Набежавшая волна, перекатывая гальку, хмуро пробормотала: «Дурррак!..»

Когда он вновь посмотрел назад, женщины уже не было. Неожиданно для себя он почувствовал от этого еще большую досаду, почти отчаяние. Любоваться морем расхотелось. Швырнув в презрительно бормочущие волны камень, писатель развернулся и зашагал к поселку, за которым вздымались приплюснутые тяжелым небом покатые холмы неприветливой раскраски, словно накрытые камуфляжной сетью: желто-бурые пятна осенней листвы, темно-серые проплешины голого леса, редкие островки вечнозеленых крон. Он вышел с пляжа и ступил на бетонную розово-серую мозаику пустынной аллеи, усыпанную опавшими листьями.

Серый плащ женщины почти слился с темными стволами деревьев, поэтому он заметил ее, лишь когда поравнялся вплотную. Ее волосы оказались русыми. Почему-то это первым бросилось ему в глаза и обрадовало. Он не хотел темноты, ведь темнота – это отсутствие света.

Она шагнула к нему и взяла под руку. Так, словно делала это тысячи раз. Так, словно по-иному и быть не могло. Будто ходили они к морю вместе, а теперь возвращались домой.

Они пришли к нему, так и не проронив по дороге ни слова. В голове писателя все еще звучало: «Если не знаете, то говорить бесполезно». Теперь он мог ответить ей: «А если знаете – тогда тем более незачем». Теперь он знал. То же, что и она. А потому они оба молчали. О, им было о чем помолчать!..

Он проснулся счастливым. Впервые за... сколько там лет?

Но ее рядом не было. Он вскочил со скомканной простыни и метнулся на кухню. Заглянул в темную ванную, приоткрыл дверь туалета... Однокомнатная квартира, которую он снял, приехав сюда, показалась куда более пустой, чем в тот раз, как он переступил ее порог впервые.

Застонав, он рванулся к столу, рухнул в кресло и, едва дождавшись, пока оживет ноутбук, выстукал по клавишам первую фразу: «Она стояла, склонив голову набок и вытирала полотенцем длинные темные волосы».

Он уже знал, что так никуда и не поехал, что море по-прежнему перекачивает гальку далеко-далеко от его города, в который уже пришла почти настоящая зима, припорошив снегом асфальт и раскачивая стылмым дыханием заиндевевшие ветви берез. И он вовсе не снимал квартиру в далеком приморском поселке, а купил ее по дешевке здесь, в старой «хрущевке», после развода с Ларисой, оставив той вполне благоустроенную «двушку».

Он писал самозабвенно, потеряв чувство времени, не обращая внимания на голод. Отрывался ненадолго, лишь чтобы разболтать в чашке псевдокофейную бурду и выхлебать ее в три глотка, не чувствуя вкуса. На улицу за три дня он выбрался один раз – кончились сигареты. Спал урывками, не раздеваясь, когда глаза переставали различать буквы, а мозг отказывался воспринимать эти черные закорючки.

Писатель не сочинял – он рисовал словами ярко пылающий в сознании образ. Даже не в сознании, где-то глубже... В душе, в сердце? Она не была Галатеей, ведь он не влюблялся в свое творение, он творил ту, которую уже любил.

С каждым новым словом, с каждой фразой, страницей, главой она становилась все более зримой, настоящей, живой. Она тоже оказалась писательницей. И она тоже писала... про него. Он не сразу понял, когда отстукал очередное предложение, что же вдруг заставило его остановиться. Но когда перечитал написанное, вздрогнул. В последнем абзаце речь шла о том, как женщина с длинными волосами села за компьютер и начала новую повесть. Первое предложение было таким: «Писатель смотрел на море».

Смысл происходящего испугал его. Он захлопнул крышку ноутбука и выхватил из пачки сигарету. Глубоко затянулся, выпустил струю дыма. И подумал вдруг, что этот дым куда более материален, чем он сам. По крайней мере, белесое облако, расплывающееся под потолком, имело какой-то смысл, некое предназначение. А какой смысл был в нем самом? Кому он нужен? Разве что... ей? Писатель скосил взгляд на помаргивающий зеленым индикатором ноутбук. Что же получается? Она необходима ему, и он стал ее создавать... Пусть в иллюзорном, вымышленном мире, но она появилась. Стала живой. И... стала создавать его?.. Бред, чушь! Глупая притча о курице и яйце.

Но, с другой стороны, что он знает о мире? Что такое иллюзорность? Где кончается вымысел и начинается реальность? А самое главное, какой во всем этом смысл? Кому это все нужно? Ведь он только что думал это о себе, но чем весь мир, Вселенная, отличается от него? Разве что только масштабами. Но если она никому не нужна, ее не должно существовать.

Он вспомнил вдруг разговор на пляже. Иллюзорном, реальном – неважно! Она говорила, что нет холода – есть отсутствие тепла; нет темноты, а есть отсутствие света. Но что же должно отсутствовать, чтобы не стало... ничего? Или не «что», а «кто»? Творец, Создатель?..

«Бог есть любовь» – неожиданно выплыло в памяти. И тут же – ее слова: «Не это самое страшное... Если не знаете, то говорить бесполезно». Ну конечно же! Ведь там, в той реальности, неважно где, он понял смысл ее слов. Все-таки понял, а потом забыл... Впрочем, это и не нужно помнить. Это или есть, или нет, иного не дано. Нельзя научиться любить. Но если не любишь – не живешь... Это он тоже где-то слышал. Где-то читал, совсем недавно!..

Взгляд упал на томик Высоцкого. Писатель брал оттуда эпитафии к своим произведениям, был у него такой пунктик. Он принялся листать книгу и почти сразу нашел те самые строки:

*Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,*

*Потому что, если не любил,
Значит, и не жил, и не дышал!*

Все верно. Любовь дает смысл происходящему. Любовь делает этот мир реальным, существующим, нужным! Отсутствие любви – это отсутствие всего. Неважно, кого или что ты любишь. Но только любя можно обрести что-то. Пусть это кажется сентиментальной банальностью, но это так. Он перестал любить себя – и его не стало. Перестал любить жизнь – и умер. Нет, не умер – перестал жить. А потом... полюбил ее? А если полюбил, то и создал? Или это она полюбила и создала его? Да какая теперь разница! Он существует, живет, любит – значит, должна существовать и она!

Писатель вскочил, вынул из шкафа дорожную сумку и принялся скидывать в нее вещи.

Он мог бы лететь самолетом, но почему-то выбрал поезд. Скорее всего потому, что неосознанно, подспудно боялся туда ехать. Точнее, боялся не найти ее там и невольно оттягивал миг страшного разочарования. А еще – ему хотелось поразмышлять обо всем спокойно. Под стук вагонных колес так хорошо думается!

И он думал, думал, думал... Чем дальше, тем больше приходящие в голову мысли казались ему бредом, а эта спонтанная поездка – откровенной глупостью. От подобных «озарений» внутри нехорошо, словно больной зуб, ныло; писатель морщился, но выйти и пересест на встречный поезд все же не торопился. По крайней мере, думал он, удастся наконец-то осуществить давнюю мечту – побывать на море поздней осенью. Можно и зимы там дожидаться, до декабря оставалось чуть больше недели.

А потом снова вспыхивала надежда. Фантастические теории начинали казаться вполне реальными. Кто сказал, что мир именно такой, каким его принято считать? Да и кем принято? Всего несколько столетий назад он вообще представлялся людям в виде огромного диска, лежащего на трех китах под замкнутым хрустальным куполом. И так тоже было принято думать. Причем вполне официально. А намного ли мы опередили предков в знаниях, в правильности мировоззрения? Разве что убрали китов и раздвинули хрустальные границы купола. Пусть очень далеко раздвинули, до бесконечности, но эти границы все же остались. Разрушить их совсем не хватило смелости.

Поняв, что решить эти проблемы он все равно не в состоянии, писатель стал мечтать о своей любимой. Он подумал вдруг, что не знает ее имени. Странно, но ему ни разу не приходило это в голову. Собственно, ему и не нужно было ее имя. Ведь оно – всего лишь ярлык, необходимый для того, чтобы выделить кого-то среди подобных. Но для него она была единственной, поэтому нужда выделять ее из кого бы то ни было отсутствовала вовсе.

Хорошо, пусть его любимой не нужно имени. То есть, ее имя не нужно ему. Но ведь в этом мире всему есть свое имя, название, ярлык... Да-да, ярлык, бирка, инвентарный номер. Что не учтено – то бесхозно, того не существует. Есть имя, название – есть человек, вещь, явление. «Без бумажки ты букашка», – вспомнилось вдруг.

Да нет же, нет! Писатель поморщился. Он понял, что дошел в своих суждениях до крайности. Так называемые ярлыки тоже нужны. Они необходимы для общения, для обмена информацией. Как бы он смог писать книги, если бы не было слов? И, кто знает, нет ли прямой зависимости между словами и тем, что они означают? Недаром сказано: вначале было Слово.

Так может, его теория – правда? Он создал свою любимую, написав про нее? А как же быть с ним? Если она «сотворила» его, то он не мог это сделать с ней! Опять он вернулся к вопросу о курице и яйце: что было раньше?

Но почему он заиклился только на них двоих? Потому что ему, кроме нее, никто не нужен?.. Но ведь она могла быть нужной кому-то еще. А сам он? Возможно, и он кому-

нибудь нужен? В конце концов, он писатель. Ведь для кого-то он пишет! Кто-то еще, кроме него, видит созданные им миры, слышит голоса населяющих их героев. Многим нравятся его книги, их любят читать.

Любят... Но это ведь не та любовь, без которой нет ничего? Или это неважно, какая она, главное, чтобы была? Ведь холод – это только отсутствие тепла. Но совсем не быть тепла не может, разве что в глубоком космосе. А если оно есть, но его мало, то все равно холодно. Впрочем, кому как... Он вспомнил, как было холодно ему, когда его любимая вышла из ноябрьского моря. Ее кожа была покрыта мурашками, но ей все равно было хорошо. Иначе она бы не полезла купаться. Значит, ей хватило и того незначительного тепла, которого он, казалось, вовсе не чувствовал. Так может, чтобы чему-нибудь существовать, достаточно хотя бы немного любви? Совсем чуть-чуть. А для кого-то и этой чуточки хватит, чтобы быть счастливым. Чтобы просто быть...

И раз они есть, значит, они нужны. Значит, их любят. А потому не стоит ломать голову над нерешаемой задачей, гадая, кто кого создал. Разве это главное? Надо просто любить. И жить. Именно жить, а не существовать! Жить, любить и писать, создавая новые жизни, новые сущности, давая возможность любить тем, кого он создал. И так далее, до бесконечности, а потом еще дальше, и дальше, и дальше!.. Вот тогда-то и рухнет хрустальный купол, тогда и не станет у мира границ... Но для этого нужно, чтобы любить могли все. Хотя бы чуть-чуть. Хотя бы кого-то. Хотя бы себя...

Поезд заехал в туннель и стало темно.

– Мамочка, мне страшно, я боюсь темноты! – захныкала девочка лет четырех, соседка писателя по купе.

– Не бойся, – сказал он. – Темноты не бывает. Просто не стало света. Но это недолго, ведь его не может не стать навсегда.

Словно в подтверждении его слов, в вагоне зажглось освещение.

– Мамочка, дядя волшебник? – зашептала кроха, прижавшись к матери. А затем потянулась и чмокнула ее в щеку. – Мамочка, я тебя люблю. Очень-очень! Правда.

– Я тоже тебя люблю, – шепнула мать дочери и поцеловала беленькую макушку.

Поезд вынырнул из тоннеля, и в окно запрыгнуло солнце. Лампы под потолком погасли.

– Теперь совсем светло! – улыбнулась девочка, кося на писателя большими серыми глазками. – Сначала света не было, потом он был вот такой, – приблизила она друг к другу маленькие пальчики, – а сейчас его вот столько! – Девочка раскинула в стороны руки и засмеялась.

Он улыбнулся в ответ и подумал: свет, тепло и любовь – вот они, те самые три кита, на которых держится мир. Предки вовсе не были ограниченными и глупыми.

Писатель ступил на перрон и сразу увидел ее, выходящую из соседнего вагона. На ней был тот же серый плащ, а длинные русые волосы развевались на легком ветру, наполненном соленой морской пылью.

Она подошла к нему и сказала:

– Меня зовут Ира.¹

– А меня... – начал он, но она быстро зажала ему рот ладошкой и улыбнулась:

– Я знаю. Ты же сказал... тогда.

¹ Ирина – мир (греч.)

Она взяла его под руку, словно делала это тысячи раз, и они зашагали к аллее, выложенной розово-серыми бетонными плитками, а затем по ней – к морю, над которым на сей раз сияло сквозь разрывы в облаках солнце, дарящее миру свет, тепло и любовь.

Люба

С этой планетой все было не так... Сначала свихнулся анализатор. Инфотехники в таких случаях говорят «зашкалило». Что означает это словечко Сашка не знал и переиначил его на свой лад – «зашквалило». В анализаторе кипел целый шквал эмоций. И пригодная-распригодная эта планета для жизни, и безопасная совершенно, прямо-таки полезная для здоровья, а питаться можно чуть ли не самим воздухом!

Но Сашка-то видел, что планета – пустышка. Камни, скалы, песок... Визуально – ни следа воды. Атмосфера есть, но на глазок явно жиденькая. Тьфу ты! На глазок!.. При таком анализаторе на борту, который может подсчитать количество песчинок на любой планете, указав размер и массу каждой из них. На любой, да вот только почему-то не на этой.

По-всякому выходило, что садиться на планету придется. Надо разбираться с этой ерундовиной. Но Сашке почему-то очень не хотелось этого делать. Странно даже, ведь интересный такой случай! Но не хотелось – и все тут. До отращения просто.

А потом – бац! – и захотелось. Да еще как!.. Сашка едва удержался, чтобы не бросить тезку навстречу гостеприимным камням. Тезку, потому что «САШ» (space annihilating ship). Удержался, потому что толика рассудка в голове все-таки осталась. Навигатор, в отличие от анализатора, работал исправно. Во всяком случае, Сашка на это надеялся.

* * * * *

За бортом... росли цветы. Целое поле земных васильков. Над полем раскинулось васильковое же небо. Сашку передернуло. Он покосился на анализатор. Ну, разумеется! Воздух – нектар, да и все остальное, словно в раю...

Доверять глазам нельзя, это знают не только спейс-разведчики. Но спейс-разведчики привыкли доверять... тому же анализатору, например. Сломаться он не мог в принципе. Там, если верить инфотехникам, и ломаться-то было нечему.

Но Сашка привык доверять еще и здравому рассудку. Если, конечно, здравому... В чем он уже начинал сомневаться. И все-таки скафандр надел.

– Спейс-разведчик Зверев к первому выходу готов! – отрапортовал Сашка собственному отражению в зеркальной стенке шлюза. – Сейчас поглядим, что тут за чудеса такие.

Спейс-разведчик Зверев ступил в васильки и крикнул. Натурально так, словно селезень, хоть и нечаянно. Да и было отчего крикать! Прямо перед ним сидела, поджав ноги, девушка в красной рубашке и синих шортах, водила ладошкой по голубым цветочкам, смотрела на Сашку и улыбалась.

Сашка не удивился бы, если глаза девушки тоже бы оказались голубыми, под стать цветам и небу. Но они были... рыжевато-серыми, неопределенного «болотного» цвета. Такого же, как и ее волосы, распущенные по плечам. Разумеется, волосы можно сделать любыми, было бы желание и фантазия, но Сашка почему-то знал точно, что у этой девушки все могло быть только настоящим.

Короче говоря, он влюбился. С первого взгляда. Что, надо сказать, случилось с ним впервые.

– Привет! – сверкнула улыбкой девушка, и спейс-разведчик перестал быть таковым. Он тут же забыл, где он, зачем, как и почему. Только успел удивиться, что стоит, словно клоун, в скафандре; быстро сорвал шлем и ответил:

– П-привет!..

Вообще-то он никогда раньше не заикался. Поэтому очень смутился. Да еще и девушка засмеялась, запрокинула голову и рассыпала по василькам волосы. Сашка снова крикнул, смутился еще больше, разозлился на себя и наконец-то сумел сказать почти нормально:

– А-а... Кто вы?

Девушка перестала смеяться, хотя улыбка осталась с ней. Тряхнула болотной гривой, сказала, почти шепнула:

– Мы такие же, как вы... Мы вас искали.

Сашка поморщился:

– Да нет!.. Вот вы... ты кто? Как тебя зовут?

Девушка вновь рассмеялась. Сашкино сердце вздрогнуло. Болотноглазая фея, словно почувствовав это, оборвала смех и ответила вопросом на вопрос:

– А как бы ты хотел называть меня?

«Моя любимая!» – едва не выкрикнул Сашка, но спохватился и ответил просто:

– Любовь! Ну, то есть, Люба...

– Хорошо, – тряхнула болотной гривой девушка. – Значит, я Люба. А ты?

– С-саша, – вновь запнулся спейс-разведчик, мысленно чертыхнулся и, проклиная себя, выплюнул: – Александр Зверев. – Потом все же добавил: – Можно просто Саша.

– Ага, – подмигнула Люба. – Так и запишем!

«Ой! – все же проснулся в Сашке спейс-разведчик. – А я-то это пишу?!» Он заглянул в шлем. Индикатор записи с нагрудной камеры мигал зеленым. Когда он успел включить камеру, Сашка не помнил. Видимо, сработали рефлексy.

Сашка поднял голову. Люба по-прежнему улыбалась. Но, словно услышав что-то, доступное только ей, спрятала улыбку и быстро сказала, показав на шлем:

– Надень! Срочно. Две минуты до конца связи!.. Очередной сеанс через восемь часов.

– До какой связи? – опешил Сашка.

– Надень! – почти крикнула девушка и сдвинула брови. Сашка пожал плечами, но послушался.

Люба поднялась и оказалась невысокой, почти на голову ниже Сашки. Он протянул к ней руки, сделал шаг и... ошалело заморгал. Перед ним была песчаная желто-серая равнина, усеянная булыжниками; вдали, у горизонта, чернели горы. Над головой мерцало тусклыми звездочками темно-серое небо, с которого ярким беломом паялилось местное светило.

– Люба... – прошептал Сашка и заморгал, поскольку глаза почему-то стали плохо видеть. Спейс-разведчик протянул к ним руку, но вспомнил, что он снова в шлеме.

«Ёшкин кот! – вспомнил Сашка любимое ругательство прадеда. – Да я никак реву! И чего это было-то?..»

* * * * *

Вернувшись на корабль, Сашка первым делом включил запись. Люба была на месте. Васильки тоже.

– Ну, ладно, хоть с ума не сошел! – нервно хохотнул спейс-разведчик и все же добавил: – Вроде бы.

Затем он просмотрел данные анализатора и третий раз за день крикнул. Похоже, криканье становилось новой Сашкиной привычкой. На сей раз «кряк» имел довольный оттенок. Теперь анализатор выдавал то, что надо. Признаков жизни нет, кислорода в атмосфере ноль и хрен десятых, ну и так далее, в том же духе.

– Ага, – сказал Сашка и посмотрел на часы. До обещанного Любой нового «сеанса связи» оставалось почти семь часов. Их спейс-разведчик решил провести с максимальной пользой и лег спать.

Заснуть сразу не удалось. Перед глазами стояла, а точнее, сидела в васильках, Люба. Болотного цвета волосы и глаза. Щекочущий шепот. «Мы такие же, как вы...»

– Кто же ты такая? – шепнул в ответ Сашка уже в полусне.

* * * * *

Теперь за бортом шумел лес. Люба сидела на поваленной березе. Легкий походный красно-синий комбинезон, рыжевато-серая грива забрана сзади в пучок.

Сашка тоже был без скафандра. Он присел рядом с Любой. Не очень близко, но рукой при желании дотянуться смог бы.

– Привет! – как и в первый раз сказала девушка.

– Здравствуй, – улыбнулся Сашка. Ему было удивительно хорошо просто смотреть на нее.

Люба широко и открыто улыбалась в ответ.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Зачем? – продолжая улыбаться, спросил Сашка.

– Ты мне нравишься.

Сашка чуть было не крикнул, но сумел удержаться. Сердце бухало часто и гулко. Теперь захотелось по-щенячьи заскулить. «Прям зверинец какой-то внутри», – мелькнула мысль, а вслух неожиданно для себя спейс-разведчик выдохнул:

– Ты мне тоже, – и протянул к девушке руку, сам не зная, зачем. Коснуться руки, пушистых волос...

Люба вздрогнула.

– Не надо, Саша!

Он не стал спрашивать почему. Просто понял вдруг, что и правда не надо.

Но разговор потек дальше непринужденно, словно и не было этой неловкой заминки.

Говорили обо всем и словно бы ни о чем. Больше – о какой-то ничего не значащей ерунде. О деле – о Земле и родном Любином мире – пока только вскользь, словно это было не главным. А для Сашки это и впрямь не было главным. Самым важным в его жизни стала сама Люба.

Сколько они говорили – полчаса, час, целую вечность, – Сашка не заметил. Только Люба, как и в прошлый раз, убрала с лица улыбку и сухо сказала:

– Тебе пора уходить. Следующий сеанс через восемь часов.

* * * * *

В третий раз они сидели на теплой гальке и слушали ленивый прибой. Море было того же насыщенно-синего цвета, что и Любин купальник. Волосы девушка спрятала под красной косынкой.

Сашка уже знал, что любит эту... инопланетянку. Он был просто уверен, что не сможет без нее жить! Так хотелось ему сейчас прижать ее к себе, зарыться лицом в ее пушистые волосы, вдохнуть их запах!.. Но... это невозможно было сделать сейчас. Какой бы ни казалась Люба живой, родной и близкой, ее не существовало здесь, сейчас, на этой планете.

И Сашка задал вопрос, который давно был готов слететь с языка:

– А мне можно... прилететь к вам?

– Конечно, – улыбнулась Люба. – Мы для того и затеяли все это.

– Я не совсем то хотел спросить, – Сашка провел рукой по гальке, выбрал плоский кругляш и зашвырнул в море. – Смогу я увидеть там... тебя?

Девушка нахмурилась. Сашка подумал, что она скажет сейчас о конце сеанса. Но Люба сказала другое:

– Саша!.. Ты должен это знать...

– Я ничего не хочу знать! – вскочил Сашка. – Не надо, не говори ничего!

– Но, пойми...

– Это ты пойми!.. – Сашкин голос дрожал, спейс-разведчику было одновременно и стыдно, и абсолютно на все наплевать. – Мне без разницы... Мне все без разницы!.. Как ты ко мне относишься, есть ли у тебя кто-то... Я ведь все прекрасно понимаю! Но я ведь ничего и не прошу... Мне бы только коснуться тебя, вдохнуть запах твоих волос!..

– Тебе пора уходить, – как всегда сухо при этой фразе, сказала Люба. – Следующий сеанс через восемь часов.

* * * * *

Как примерный исполнитель, спейс-разведчик Зверев записывал и отправлял на Землю все. Он понимал, что Контакт с иным разумом не тот случай, чтобы превращать его в приватный любовный роман. И, раз уж так получилось, коль «накрыло» его столь неожиданно-негаданно, то это его личные проблемы. Он приготовился выслушать от коллег-товарищей массу «поздравлений» и прочих «веселых» подколов. Но ему было все равно. Лишь бы увидеть Любу! Увидеть наяву. Но она... Она его видеть не хочет. Это ясно. От этого сводит скулы, в груди становится холодно и пусто.

«Ну почему, почему так? – метались колючие мысли. – Почему любовь – это так прекрасно, но и так больно?! Почему нельзя иначе? Кому от этого стало бы хуже?..»

Ответов на эти вопросы не было. Зато пришел ответ на Сашкин доклад с Земли. Спейс-разведчику Звереву приказывали возвращаться. На Любу (так Сашка назвал по праву первооткрывателя планеты) уже отправились специалисты по Контакту.

* * * * *

Этот сеанс был для него последним. Сашка сознательно называл его «последним», а не «крайним», как принято было среди космолетчиков. Потому что, как ни крути, как ни обманывай себя, а последний – он и есть последний.

Под стать настроению шел дождь. Унылый, нудный, беспросветный.

Люба стояла под большим красным зонтом в ярко-синем плаще.

– Я улетаю, – сказал Сашка вместо приветствия.

– Я знаю, – кивнула Люба. В этот раз она не улыбнулась, как обычно.

Сашка молчал. Девушка тоже молчала. Так они стояли долго, и Сашка подумал, что даже молчать вместе с Любой – это тоже счастье. Словно им было, о чем помолчать.

Первой заговорила девушка:

– Саша, ты спрашивал...

– Не надо, не говори ничего, – дернулся Сашка.

– Нет! Ты не понял, – Люба отвела в сторону зонт, и капли дождя перламутровым жемчугом засверкали в болотной пушистости волос. – Я хочу сказать... Прилетай, Сашка, обязательно прилетай! Я буду тебя ждать.

* * * * *

Специалисты по Контакту работали на планете Люба уже неделю. Еще по прибытии сюда они знали, что «САШ» Александра Зверева не вышел из надпространства, развеявшись млечным путем субатомных частиц между Землей и Любой.

Но Контакт состоялся. Долгожданный, волнующий, очень важный и для землян, и для любарян. Называть так жителей далекой планеты, которая имела совсем иное название, было, конечно, неверно, но кто-то назвал их так первым – и слово прижилось. Да и какая разница, как называть? К тому же, именно на Любе спейс-разведчик Зверев впервые увидел виртуальную любарянку.

– И все-таки, почему она сказала ему это? – в который раз спросил, вполне риторически, Сэмюел Тэн, лингвист группы Kontakta. Но ему все же ответили. Командир группы, Игорь Ляхов, пожал плечами и выдавил:

– Ну и хорошо, что сказала.

– Да чего ж хорошего? – удивился Тэн. – И дело даже не в том, хорошо это или плохо. Просто этого не должно, не могло быть в принципе! Ведь и сами любаряне ничего понять не могут... Лопочут что-то про сбой программы, совсем как наши кибспецы, хотя их программы сбойть в принципе не могут!

– «В принципе», «в принципе»!.. – буркнул Ляхов. – Что ты заладил про какие-то принципы... Главное, что все было правильным.

– Да каким же правильным?.. – совсем растерялся лингвист. – Программа любарян была создана, чтобы давать лишь достоверные знания!

– А для Сашки нужно было это знание?! – вскипел командир, что случилось с ним крайне редко.

– Достоверные знания нужны всем... – пролепетал ничего не понимающий Тэн.

– А ты любил когда-нибудь, Сэм? – спросил Ляхов и, не дождавшись ответа, сказал: – Люба... то есть программа эта, сбойнула она там или... сама вдруг полюбить сумела... Только она, когда не стала давать Звереву этих твоих достоверных знаний, подарила ему взамен надежду. Знаешь, что это такое, Сэм? Ни хрена ты не знаешь!.. Это значит, что Сашка ушел счастливым.

Ради любви

Елена умела летать. Но не так, как птица, ведь у нее не было крыльев. Впрочем, когда она летала, у нее не было и самого тела. Ничто материальное не смогло бы подняться в такие выси, умчаться в такие дали, ведь Елена путешествовала к звездам! Как это у нее получалось, она не знала. Когда возникало желание стать легче мысли, умчаться навстречу звездному свету, оно неумолимо росло, и будто взрывалось, высвобождая Елену из оков телесной оболочки.

Такое случалось нечасто и по накалу эмоций и чувств напоминало оргазм, только было еще сильнее. Ее окружало чудо, материальное воплощение наивысшего восторга, и она отдавалась ему целиком – беззаветно и жадно.

Елена перелетала от звезды к звезде, любовалась туманностями и галактиками, посещала планеты, многие из которых так сильно отличались от Земли, что разуму не с чем было их сравнивать.

Единственное, чего ей не хватало здесь – это общения. Хотелось поделиться увиденным, распахнуть душу, полную впечатлений и чувств, получив взамен чужие эмоции и мысли. Но звезды молчали, хоть и оставались при том желанными и прекрасными.

Как бы ей ни хотелось этого, Елена не могла остаться наедине со Вселенной навсегда, потому что даже в нематериальном виде для ее существования требовалась энергия, которая неудержимо таяла при полете от звезды к звезде. Поэтому, когда таяли силы, ее влекло к оставленному на Земле телу, словно пушинку ветром. Порой возвращение проходило столь быстро, что Елена не успевала разглядеть ничего, помимо круговерти звездных росчерков, сливающихся в сплошные яркие полосы. А через миг-другой она, уже в привычном теле, поднимала голову и, недоуменно оглядываясь, не сразу могла понять, что за бесцветный и тесный мир окружает ее.

Но однажды, забравшись так далеко в глубины Вселенной, что даже родная Галактика казалась оттуда едва различимым пятнышком, Елена почувствовала, что рядом кто-то есть... Космическая перспектива искажала расстояния, поэтому некоторые звезды, от которых даже свет шел миллионы лет, казались нереально близкими, а настоящие пылинки, до которых можно было вполне дотянуться, казались порой недостижимыми звездами. Вот и *ego* Елена приняла сперва за далекую туманность. И только неестественная подвижность странного пятнышка заставила приглядеться к нему получше.

Стуток туманного, расплывчатого света приближался. Теперь было видно, что формой он напоминает человека. «Неужели я не одна такая?» – вспыхнула в сознании Елены радостная мысль.

Космический странник подплыл к ней и замер. Похоже было, что и он ее внимательно разглядывает.

«А что же дальше? – подумала Елена. – Как мы будем разговаривать? Может, попробовать мысленно?..»

И она попробовала. Сосредоточилась и отчетливо произнесла-подумала:

– Эй, вы кто?

Светлое облачко колыхнулось.

– Ох, – «прозвучало» в сознании Елены, – так вы тоже человек?!

Казалось, она и впрямь услышала голос. Живой, с интонациями и эмоциями, человеческий голос! Между прочим, мужской.

– Да, – ответила Елена. – Как приятно в такой дали встретить земляка. – И поспешила представиться: – Меня зовут Елена.

– Евгений Головин, – последовало в ответ. Туманный силуэт сделал движение, которое можно было принять за поклон.

– Значит, вы тоже умеете... это? – спросила Елена и рассердилась на себя: спрашивать о том, что вполне очевидно – не верх ли это глупости!

Но Евгений ответил:

– Как видите, да. Впрочем, не могу причислить это умение к моим личным заслугам. Скажем так: мне помогли.

Елена хотела спросить, кто, но на сей раз сдержалась. Лезть не в свое дело, решила она, еще хуже, чем задавать глупые вопросы. Поэтому она спросила первое, что пришло на ум:

– Куда же вы направляетесь?

– У меня нет определенной цели. Да и разве можно выбрать что-то одно из бесконечного числа вариантов? Я путешествую наугад. Признаться, такой выбор мне даже нравится. Чем-то напоминает русскую рулетку. Только гораздо безопаснее. – В голосе Евгения послышалась улыбка. А потом он словно запнулся и продолжил неуверенно и робко: – А вы... Если вы, конечно, не имеете конкретных планов... не соизволите ли составить мне компанию?

– С удовольствием! – ответила Елена. Ей и впрямь безумно вдруг захотелось путешествовать вместе с Евгением. Причем – именно с ним, чему сама она безмерно удивилась: ведь они успели переброситься лишь несколькими фразами и, по сути, ни разу не видели друг друга. Может быть, подумала она, сейчас, когда души буквально обнажены, их родство для подсознания попросту очевидно?..

Но развить эту мысль Елена не успела. Он почувствовала, что близится возвращение, которому она была не в силах противиться. Елена испугалась. Вероятность встретиться с Евгением еще раз в бескрайнем звездном пространстве равнялась нулю! А это значит... Нет-нет-нет!..

– Где вы живете?! – выкрикнула она. И, перед тем как в бешеном калейдоскопе звездных росчерков помчаться к Земле, успела услышать: «Головино».

На сей раз Елена быстро пришла в себя. Открыла глаза, повернула голову. Мужа рядом не было. Это принесло облегчение. Елена давно перестала делать трагедию из их «несложившихся отношений». Так она деликатно называла постоянные измены и пьянство супруга.

Она затруднилась бы сейчас ответить, сколько раз за этот месяц видела его дома, настолько ей это стало безразлично. А поначалу!.. Нет, она не устраивала скандалов, носила обиду и горе в себе, выплескивая их громкими рыданиями лишь когда оставалась одна.

Впрочем, однажды она все-таки не сдержалась и попыталась поговорить с мужем. Но то, что услышала в ответ!.. И то, что он сделал потом!.. О, это Елена не могла вспоминать. Но и забыть она этого тоже никак не могла.

Именно тогда она и улетела в первый раз. Так было ей страшно, больно и горько. Настолько она не хотела быть с тем, кого считала когда-то самым родным и близким, и кто предал ее, растоптал чувства, растерзал душу!.. Он ведь даже не заметил тогда, что ее нет рядом, продолжая избивать и насиловать живую куклу, пустую оболочку плоти.

С тех пор он перестал существовать для нее. Смешно, но она даже была ему чуточку благодарна – ведь если б не он, она бы не научилась летать!..

Елена вскочила с постели и промчалась к компьютеру. Ринулась в Интернет, загрузила интерактивную карту... И лишь тогда спохватилась. Головино! Где его искать? Сколько вообще могло оказаться деревень и поселков с таким названием? Десятки, сотни, тысячи?!..

Елена почувствовала нарастающую панику, но быстро взяла себя в руки. Какой бы сложной ни казалась стоящая перед ней задача, она все равно была выполнимой! Нужно только начать. Перебрать село за селом, деревню за деревней. Пусть их будет на самом деле

тысяча, пусть у нее уйдет на поиски несколько лет... Но ведь Земля такая маленькая по сравнению с бескрайним космосом!

Елена выбрала карту Московской области. Начинать было логичней с ближних мест, постепенно расширяя круг поисков.

Головино нашлось быстро. Не очень близко от Москвы, но такие расстояния по сравнению с космическими казались Елене просто смешными. Она быстро оделась, подхватила сумочку с документами, ключи от машины, и уже через полчаса выруливала на нужное ей шоссе.

Головино и впрямь оказалось деревней. Точнее, дачным поселком. Это не понравилось Елене. На дачах не живут постоянно. Впрочем, проехав по единственной улице дальше, она увидела в самом ее конце несколько потемневших от времени бревенчатых домов, которые могли оказаться чьим-то постоянным жильем.

Елена вышла из машины и направилась к ближайшей избушке, возле которой ходил, склонившись к чахлым грядкам, мужчина в белой рубашке. Подойдя ближе, она увидела, что тот очень стар.

– Здравствуйте, дедушка, – окликнула старика Елена. Он стал медленно разгибаться, но полностью так и не смог этого сделать. Столь же медленно повернулся к Елене, поднял на нее выцветшие глаза.

– Добрый день. Ты, небось, за молоком? Так это к соседям, я корову не держу.

– Нет-нет, – замотала головой Елена. – Я хотела узнать, не живет ли в вашей деревне Евгений Головин?

Старик думал недолго.

– Не живет. Нету такого.

Сердце Елены ухнуло вниз.

– Точно? – спросила она одеревеневшими губами.

– Точнее некуда. Нас тут и осталось-то – два старика да три старухи. Или тебе кто из дачников нужен? Так этих я по фамилиям не знаю. Да и по имени не каждого.

– Нет, мне дачники не нужны... – Елена шагнула от изгороди, но, спохватившись, обернулась. – Спасибо вам!

– Да чего там, – махнул старик. – Не за что, не помог ведь.

Елена неопределенно кивнула и зашагала к автомобилю.

– Постой-ка! – окликнул ее старик. – А про Головина-то я знаю. Он и Евгений как раз.

Елена повернулась столь резко, что чуть не упала.

– Что? Кто? Где?!.. – зачастила она, подбежав к изгороди. – Где он живет?!

– Да он не живет уже, – смутился старик. – Помер давно. Так здешнего барина звали. Потому и деревня Головино. Мне дед про него рассказывал. Во-о-он там его усадьба стояла, – мотнул он щетинистым подбородком в сторону леса. – Мы в ней до войны мальчишками играли. А в войну в нее бомба попала, камни и те уже заросли.

– Но как же?.. – чуть не плача, проговорила Елена. – Как же так? Почему помер? Какая бомба?.. Это не тот, наверное, Головин!..

– Знамо дело, не тот, – помотал головой старик. – Ты уж прости, что расстроил. Но ты спросила, а я вспомнил вот.

– Ничего... Спасибо. Простите... – пролепетала Елена и, не удержав-таки слез, быстро развернулась и побежала к машине.

Шансов встретить Евгения в звездном мире не было. Елена знала это, но все равно полетела искать его к звездам. Она решила вернуться туда, где случай – или судьба? – свел их впервые. Елене оставалось надеяться, что и Евгений поступит так же. Если конечно... если ему это *надо*.

Найти конкретную точку в бесконечности Вселенной было тоже почти невозможно. Почти – потому что искала Елена не разумом, а всей обнаженной душой, открытые эмоции и чувства которой служили ей лучше самых совершенных радаров.

И случилось невероятное – они встретились! Может быть, это произошло еще и потому, что Евгений также мечтал о встрече, хотел ее и желал. И, возможно, души их нашли друг друга по этому взаимному, не знающему барьеров и расстояний притяжению.

– Ты... пришла!.. – воскликнул Евгений. – Я так ждал тебя там, дома!..

– Я искала тебя, – засмеялась от счастья Елена, не заметив, что они перешли на «ты». – Но мне сказали, что ты умер! Как тебе это? – Она засмеялась сильнее, и светлое облачко ее души заиграло радужными переливами.

– Умер? – засмеялся в ответ Евгений. – Пренеприятнейшее известие! Постой... А где ты искала меня?

Елена, продолжая смеяться, рассказала, как ездила в подмосковную деревеньку, что ей поведал старик...

– Представляешь, там в позапрошлом веке жил помещик – твой однофамилец и тезка!

Искрясь и переливаясь счастьем, Елена не сразу заметила, как потускнело облачко Евгения.

– В позапрошлом?... Значит, ты живешь... в двадцать первом?... Но это невероятно!

– А ты разве не... – начала Елена и замолчала. Она все поняла. Евгений и был тем самым барином, о котором ей рассказал старик! Пространство и Время, неразрывно связанные неведомыми человечеству законами, сыграли с ними злую шутку. – Что же делать? Ведь я... я не могу без тебя!

Признание вырвалось неожиданно, но Елена не жалела об этом. Да и какой теперь имело смысл о чем-то жалеть, если встретиться на Земле им было не суждено. Никогда! Разве что здесь, в безвоздушном пространстве космоса, общаться беззвучно и бестелесно... Но это же... это... Нет! Это невыносимо, несправедливо, невозможно! Если бы Елена была сейчас в настоящем теле, она бы зарыдала в голос.

– Ты сказала правду? – Голос Евгения «прозвучал» столь незнакомо и глухо, что Елена вмиг забыла про начинавшуюся истерику.

– Конечно, правду! Зачем мне тебе врать? Я ничем не могу это доказать, но я на самом деле живу в двадцать первом веке.

– Я не об этом, – прервал ее Евгений. – О том, что ты... без меня...

– Да, я сказала правду, – не дала договорить ему Елена. – Но разве это имеет теперь какой-нибудь смысл?

– Это всегда имеет смысл. Дело в том, что я тоже...

И тут Елену потащило назад, на Землю. Ей стало очень обидно, ведь она не успела услышать, что хотел ей сказать Евгений. Впрочем, она догадывалась, что именно. В другое время она бы ошалела от счастья, а теперь... Да-да, вот именно – «в другое время». Какой точный и горький получился каламбур!

И все-таки следующей ночью она вновь полетела туда, где мог ее ждать Евгений. Он и ждал. И начал сразу, не поздоровавшись, не дав Елене опомниться.

– Ты бы хотела быть со мной там, на Земле?

– Зачем ты так? Ты же знаешь, что это не...

– Хотела бы или нет? – жестко оборвал Евгений.

– Да-а!!! – «закричала» Елена, чувствуя, как душа ее превращается в один сплошной комок боли. – Зачем ты так?! Зачем?..

– Потому что... это возможно.

– Что?.. – Елене показалось, что звезды тронулись с мест и закружились в хороводе. – Что ты сейчас сказал?..

– Это возможно. Помнишь, я говорил тебе, что путешествую к звездам не сам по себе? Так вот, мне помогает женщина. Анна. Моя... крепостная. Она – уникум. Все называют ее колдуньей, но я считаю, что это не колдовство, а что-то иное, не доступное пока нашему разуму. Впрочем, даже если и колдовство? Мне нравится то, что она делает.

– Ты любишь ее?

– Что? Кого?.. – растерялся Евгений и внезапно рассмеялся: – Что ты! Конечно же нет! Впрочем, она очень красивая, но... Но ты сбила меня!.. Я собирался перейти к главному. Вчера я рассказал о тебе Анне. О том, откуда ты. И спросил, могла бы она сделать так, чтобы... мы смогли быть вместе. Анна ответила, что может сделать это. Только... Только вам с ней придется поменяться телами.

– То есть, я окажусь в теле Анны там, в девятнадцатом веке, а она в моем – в двадцать первом?..

– Именно так. Причем обратного пути не будет.

– А разве сама она согласна на такое?

– Она задрожала от радости! Увидеть будущее, жить в нем свободной! – Тут Евгений осекся. – Ведь ты же... свободная?

– Разумеется, да. То есть... не совсем. Видишь ли, я замужем.

Облачко, бывшее сейчас Евгением, дрогнуло и потемнело.

– Ты его любишь?

– Я его... – Она хотела сказать «ненавижу», но поняла, что это неправда – у нее не осталось к мужу никаких чувств, даже ненависти. А потому сказала: – Он мне никто. Но он плохой человек. Я не хочу, чтобы страдала Анна.

Евгений неожиданно рассмеялся.

– Не забывай, что Анна колдунья! Еще неизвестно, кому придется страдать. Лучше ответь: ты согласна?.. Хотя нет. Не отвечай. Подумай. Взвесь все. И если решишься... Анна сказала, что это нужно делать в полнолуние. Приезжай в Головино и отправляйся в усадьбу... то есть, к тому месту, где она была. И жди.

– А ты? Ты сам-то этого хочешь? – заторопилась Елена, чувствуя, как неведомая сила вновь потащила ее к Земле. И перед тем как сорваться в головокружительный вихрь полета, все-таки успела услышать: «Да».

Елена сидела на смятой постели, сжав ладонями щеки. Бешено колотилось сердце, лихорадочно метались мысли. Нет, она не сомневалась в том, какой сделает выбор. Конечно, предстояло поменять так много: привычное тело на чужое, удобства современного быта на патриархальный уклад старины!.. Но ведь все это... ради любви. Ради любви! Разве предстоящий обмен такая уж большая цена за это?

Огорчало Елену только одно – ей вновь, как и прежде, суждено путешествовать к звездам одной...

На хрена козе баян?

– А на хрена козе баян? – спросила Юлька.

Это у нас игра такая. Возникает она совершенно спонтанно. Я или жена ляпнем что-нибудь вот эдакое – и понеслось!.. Можно как угодно изгаляться, фантазировать напропалую, главное – не засмеяться и не думать над ответом больше пяти секунд. Иначе – проиграл, и тогда... Тогда обязан выполнить любое желание победителя.

Ну, я иногда Юльке чуток подыгрываю и жду дольше. Во-первых, я все-таки мужчина, неловко по отношению к женщине быть мелочным, а во-вторых, Юлькины желания мне очень порой нравятся. Так что ее выигрыш мне даже в общем-то выгодней.

Тем более, мне в кайф, когда жена радуется. Прыгает, в ладоши хлопает, как девчонка. На шею мне вешается. А потом чаще всего так получается, что и желание уже загадывать не нужно – оно как-то само собой исполняется. Причем, обоюдное. Так что выигрыш или проигрыш в нашей игре – понятие очень условное. Для меня, во всяком случае. Ну, а Юлька, как я уже говорил, выигрывать любит.

Вот и сейчас подпрыгнула, затрясла рукой, выгнув в мою сторону запястье с часами:

– Пять секунд прошли, ты проиграл, проиграл!

Я покорно сложил на груди руки и склонил голову, ожидая от победителя награды в виде желания. Однако на сей раз оно оказалось необычным.

– Я хочу, – торжественно провозгласила Юлька, – чтобы ты ответил на этот вопрос.

– На какой? – поднял я голову.

– На хрена козе баян, на какой же еще?

– А... зачем тебе?

– Я так хочу! – топнула ногой жена и тряхнула каштановой гривой. – По-моему, желания победителя обсуждать не принято.

Я посмотрел в сверкающие Юлькины глаза и почувствовал, как сладкий ком подкатился к горлу. Юлька моя, Юльчонок, Юлёныш, как же я тебя люблю! Такую вот непосредственную, настоящую, живую... Такую милую и славную, нежную и чувственную, взбалмошную и сумасшедшую.

У меня запершило в горле, голос неожиданно сел. Фантазировать мне совершенно не хотелось. Точнее, даже очень хотелось, но немножко на иную тему. Не про козу. Поэтому я и ляпнул первое пришедшее в голову:

– Баян козе затем же, зачем и рыбе зонтик.

Я надеялся, что удачно выкрутился и протянул уже к Юльке руки для осуществления более заветных фантазий, но тут же по этим рукам и получил.

– Думаешь, ты такой умный, да? – фыркнула Юлька. – Думаешь так легко от меня отделался? Вот уж нет уж! Выполняй желание честно. А в наказание ответь и про рыбу.

– Про какую рыбу? – жалобно заморгал я. – Юлёныш, ну ты чего? Зачем тебе это? Давай лучше я твое настоящее желание выполню. Любое! – Я сладострастно облизнулся и подмигнул жене.

Но Юльке, что называется, шлея попала под хвост. Такое с ней частенько случается, за что я, впрочем, ее тоже люблю.

– Нет! – снова притопнула Юлька. – Это и есть мое настоящее желание. Быстро отвечай: на хрена козе баян и на фига рыбе зонтик?

– Ну ладно, – сдался я и опустился на диван. – Садись поближе.

– Только не лапать! – предупредила Юлька и села рядом. Не настолько близко, чтобы я забыл эти дурацкие вопросы, но достаточно, чтобы ощутить упругость ее теплого бедра и мысленно послать козу-баянистку вместе с шизанутым карасем туда, куда не прочь был бы

отправиться и сам. Я разозлился на себя за этот невольный каламбур, зверским усилием воли отогнал навязчивые желания и мысли, тяжело вздохнул и начал:

– Рыбе, как и любому здравомыслящему существу, зонтик нужен для защиты от дождя...

– И от снега! – подхватила Юлька, и карие глаза ее радостно засверкали. Она преобразилась мгновенно, превратившись из капризной женщины в восторженную девчонку. Как же я любил ее – такую... такую... Я снова ощутил ком в горле и быстро прокашлялся.

– Да, – продолжил я. – И от снега тоже. Вообще от любых осадков. Но вся беда заключалась в том, что рыба не любила носить зонт.

– Как это?... – ахнула Юлька.

– А вот так. Не любила – и все тут. Он ей мешал. Занимал руки, в смысле – плавники, заслонял небо...

– Оно же все в тучах, когда дождь, – нахмурилась Юлька.

– Ну и что? – строго глянул я на жену. – Все равно ведь небо. Тем более, когда идет не дождь, а снег. Ты смотрела когда-нибудь в небо, когда идет снег?

– Конечно, смотрела, – подхватилась Юлька. – Так странно... Красиво так!.. Из ниоткуда, из серого-серого потухшего нечто появляются погасшие звездочки и падают, падают, падают...

– Звездочки? Мы говорили о снеге.

– А снежинки – они разве не звездочки? – захлопала ресницами жена. – Ты когда-нибудь разглядывал снежинки? Конечно же, это звездочки! Только потухшие, остывшие, заледенелые. Они думают, что никому больше не нужны и потому готовы растаять, лишь только коснутся тепла. Если бы они знали, как ошибаются! Ведь на свете нет ничего, что не было бы кому-нибудь нужно. Тем более, когда это звезды. Пусть даже потухшие.

– Рыбе они были точно не нужны, – вернулся я к нашим баранам. В смысле, к рыбам и козам. – Но и зонтик был ей помехой. Вот такая дилемма свалилась на бедное животное.

– На какое животное? – не сразу вернулась из звездного мира Юлька.

– На рыбу, конечно же.

– Она разве животное? – прыснула моя любимая.

– А ты в школе училась? – нахмурился я. – Есть такая наука – зоология. И в ней...

– Ой, только не надо, – поморщилась Юлька. – Скукотища! Пусть рыба будет животным. Пусть даже червяк будет животным.

– Что значит «пусть будет»? – повернулся я к жене. – Ты что, на самом деле не в курсе, что...

– Я сказала: хватит! – стукнула мне Юлька кулачком по колену. – Про рыбу давай. Как она вышла из положения?

– Легко, – плюнул я на образовательный процесс и вернулся к повествованию. – Она купила шляпу. С широкими полями.

– Оранжевую! – захлопала в ладоши Юлька.

– Ну разумеется. Не зеленую же!

– Конечно не зеленую. Ведь она сама была зеленой. И шляпа сливалась бы цветом с чешуей. Издалека другим рыбам казалось бы, что она вовсе без шляпы, и что это у ней голова такая несуразная. А кому понравится ходить с несуразной головой?

– Плавать, – поправил я.

– Нет, ходить, – мотнула головой жена, и каштановые волосы скользнули мне по шее, вызвав сладкую щекотку где-то глубоко внутри живота. – Потому что сапоги она тоже купила. И тоже оранжевые. Чтобы верх и низ смотрелись гармонично.

– Ну, тогда конечно, – закивал я. – Если сапоги оранжевые, то рыба просто обязана ходить. – Я не удержался и хихикнул: – Налево.

– Почему налево? – удивилась Юлька. – Ей что, досталась пара из одних правых сапог?
– С сапогами у нее все было в порядке, – успокоил я жену. – Точнее, у него. Это был самец. Во всех смыслах. Потому он и ходил налево. Причем, постоянно. Зря он, что ли, такие смачные сапоги прикупил?

– А к кому он ходил? – заинтересовалась Юлька.

– Ты еще не догадалась? – деланно изумился я. – Разумеется, к козе!

– Ах, вот как? – фыркнула моя любимая, и глаза ее вспыхнули еще ярче. – К козе?

– Конечно, к козе. Не к козлу же!

– Кстати, о козле, – подняла Юлька пальчик. – А как он смотрел на это... безобразие?

– А вот тут мы как раз переходим к первому вопросу, – напустил я на себя притворной строгости.

– Про баян?

– Умница! – одарил я жену восторженным взглядом. – Именно про баян. Он и нужен-то был козе исключительно для того, чтобы отвлечь козла. Видишь ли, Юленьш, козлы – они ведь те же глухари, только петь не умеют. Кроме «бе» и «ме» ничего у них не получается. Другое дело – играть. На баяне. Для этого голос не нужен.

– По-моему, для этого нужен слух, – прищурилась Юлька.

– Кто тебе это сказал? Сейчас ты еще выдумаешь, что для этого нужны пальцы.

– А разве...

– Нет, – опередил я вопрос жены. – Пальцы и слух нужны для *хорошей* игры на баяне. Для извлечения из него музыки. Козлу же на музыку... э-эээ... наплевать. Ему важны звуки. Любые. Лучше громкие. Ты не поверишь, но если дать козлу баян, он забудет про все на свете, извлекая эти самые звуки.

– А коза тем временем... – решила поторопить события Юлька.

– Коза тем временем... – Я тяжело вздохнул и трагическим тоном закончил: – Пала жертвой собственной хитрости.

– Это как? – Моя сладкая женушка разинула ротик, да так и забыла его закрыть.

– А так, что звуки баяна одинаково завораживающе действуют как на козлов, так и на коз. И как только козел начал играть на баяне, коза не смогла никуда пойти. Все слушала и слушала.

– А как же рыба?!

– А рыба, в смысле – рыб, ждал. Долго и терпеливо. Он стоял под фонарем, чтобы коза смогла его сразу заметить, держа в плавниках букет алых роз...

– ...и снежинки, – подхватила Юлька, – медленно кружась, падали на поля его оранжевой шляпы, превращая их в кладбище потухших звезд.

– Потухшие звезды – не самое страшное, – посмотрел я в глаза жены. – Погасшая надежда – вот это действительно страшно.

– Какая она все-таки... свинья – эта коза! – Голос моей любимой дрогнул, а глаза подозрительно заблестели. – Рыб ведь, наверное, любил ее, а она...

– Я тоже тебя любил, – прошептал я. – И продолжаю любить. Все звезды для меня давно потухли, только вот надежда никак не может погаснуть до конца.

Юлька ничего не ответила. Да и как она могла ответить? Ведь ее не было – моей любимой жены. Моей Юльки. Моего Юльчонка, Юленьш... Я сейчас просто играл.

То есть, она, конечно, где-то была – иначе, как бы я мог ее любить? Только она была не со мной. Она была женой... Только уже не моей.

Она любила со мной играть. Но не любила любить. А я не люблю, когда со мной – или мной? – только играют.

Теперь я играю один. У меня это неплохо получается. Я – зеленая рыба в оранжевой шляпе. С неба падают и падают потухшие звезды. А я все жду и жду свою козу. Хотя и сам

уже не знаю зачем. Может быть, для того, чтобы окончательно выяснить: а на хрена же ей баян?..

Полюбить мечту

Он проснулся резко, словно от толчка. Хотя никакого толчка не было. Потому что... не было вообще ничего. Ни света, ни звуков, ни верха, ни низа – ни-че-го! Он не чувствовал своего тела, не понимал, дышит ли он, бьется ли его сердце. И должно ли оно у него биться, ведь кто он такой – он тоже не знал. Или не помнил...

Он ничего не помнил! Впрочем, нет. Он помнил сон. Тот самый, который видел только что.

...Ему снилось море. Или океан. Медленные, ленивые, неправдоподобно бирюзовые волны облизывали желтый-прежелтый песок. А с синего-синего неба софитом вселенского счастья пылало солнце. Все вокруг было именно таким – преувеличенно цветным, чувственным, неправдоподобно ярким. Впрочем, ему не с чем было сравнивать, ведь он не знал, как должно это выглядеть на самом деле. И он не знал, что это сон. Потому что увиденное было единственным, что он вообще когда-либо видел. Тем не менее, ему казалось, что так и должно быть. Что так было и будет всегда. Поэтому он просто радовался и любовался на сказку, принимая ее за быль.

А потом он увидел девушку. Она стояла лицом к океану и слушала шершавый шепот гладившей песок воды. Он не видел ее лица, но непостижимым образом был уже очарован его красотой. Он еще не касался ее кожи, но уже был влюблен в ее чистоту и нежность. Да что там! Он любил уже эту девушку. Всю – от зарывшихся в бархатистый песок ступней до кончиков золотистых волос, невесомыми волнами растекающихся по загорелым плечам и спине.

Боясь спугнуть волшебное видение, он, почти не дыша, подошел ближе. Но, оказавшись с ней рядом, задохнулся от нахлынувших чувств:

– О, как же красиво!.. – И тут же зажал рот ладонями, ожидая с тревогой реакции незнакомки.

Но девушка не испугалась. Она даже не стала оборачиваться, словно и так знала, кто стоит сзади.

– Не то слово, просто сказочно! – сказала она так легко и спокойно, словно разговаривать, стоя спиной к собеседнику, было вполне обычным делом.

Впрочем, ему все сейчас казалось обычным, единственно возможным, каким и должно быть всегда. Даже то, что и сам он, и девушка были полностью обнаженными, ничуть не смущало его.

– Вообще-то я о тебе, – пояснил он, выровняв наконец-то дыхание. – Твои волосы... Они похожи на солнечные лучи. Можно я буду называть тебя Солнышко?

– Пожалуйста, – засмеялась девушка, по-прежнему не оборачиваясь. – Только я вовсе не красивая. Когда ты увидишь меня...

– Я и так тебя вижу.

– Когда ты увидишь мое лицо...

– Я знаю твое лицо.

– И как оно тебе?

– У тебя удивительные глаза! Они – как этот океан, только еще бездонней. А от твоих веснушек пахнет радостью и улыбкой.

– Неужели радость имеет запах? А улыбка?

– Все имеет запах. – Он понял это только что, но не стал удивляться. – Ты, например, пахнешь свежим хлебом... – На сей раз он все-таки удивился, поскольку был уверен, что никогда не пробовал и даже не видел хлеба.

– Тогда зови меня не Солнышком, а Булочкой! – не заметила его растерянности девушка. – Кстати, это будет вполне справедливо. – Она хлопнула себя ладошками по выпуклому животу.

Теперь засмеялся и он:

– Если я назову тебя Булочкой, мне захочется тебя съесть. А Солнышко съесть нельзя – им можно только любоваться и греться его теплом.

– Ты тоже будешь греться моим теплом? – спросила она так, что он сразу понял: она на самом деле хочет узнать это.

– Я уже делаю это, – ответил он и, шагнув к ней вплотную, почувствовал, как пахнущие солнцем волосы щекотнули его шею, как прохладная шелковистая кожа коснулась его груди, живота...

Впрочем, все это длилось одно-два мгновения. Через которые он и проснулся. И его ничто уже не касалось – ни горячее, ни холодное, ни грубое, ни шелковистое. Потому что ничего не было. Вообще ничего, как и его самого.

Он помнил лишь сон, откуда-то понимая, что это был именно сон, хотя и не зная уже, что же это такое. Но и это воспоминание быстро проходило, улетучивалось, словно великое ничто, которым он вновь становился, всасывало в себя все, имеющее хотя бы малейшее отношение к чему бы то ни было. Даже сон был для этой совершенной пустоты слишком вещественной, чересчур материальной субстанцией.

Он успел лишь беззвучно и безгубо шепнуть, не понимая уже смысла произносимого:

– Солнышко... – И опять превратился в ничто.

* * * * *

Женька лежала на влажной смятой простыне не в силах пошевелиться. Только легкая дрожь пробегала волнами по напряженному телу, заставляя пупырышками щетиниться кожу.

«Что же это? – снова и снова спрашивала она себя. – Что же это такое?!...»

Этот сон снился ей уже не первый раз. Не в точности этот же, но всегда в нем присутствовали солнце, море, песок, пальмы – то, о чем она так часто мечтала наяву, – а самое главное – в нем всегда присутствовал он... Высокий и русоволосый. Красивый до дрожи в коленях и... желанный до помутнения рассудка, до томной сладости – жарко, словно июльское солнце, пульсирующей в глубине.

«Солнышко...» – вспомнила Женька. Так во сне называл ее он. Ее мужчина. Ее... любимый.

Женька не верила в существование идеалов. Не верила до тех пор, пока ей не стал сниться он. Ее идеал. Совершенный. Единственно необходимый. Но абсолютно недостижимый!.. Потому что наяву идеалов не бывает. Просто он ей всего лишь приснился. Примечтался.

Женька не сразу поняла, что плачет. Она не привыкла плакать, с детства приучив себя к правилу, что слезами горю не поможешь и никаких проблем не решишь, что добиваться желаемого нужно не слезами, а делом. И у нее это неплохо получалось. Несмотря на обстоятельства, которые часто были против нее. Растя в неблагополучной, что называется, семье, Женька, тем не менее, с серебряной медалью закончила школу. Без взяток и блата поступила в университет. Пусть и не в самый престижный, зато на бюджет. И, самое главное, в другом городе – подальше от семейных разборок и пьяных склок. Не отвлекаясь на соблазны долгожданной свободы, дала себе зарок стать лучшей на курсе. И стала – закончила вуз с красным дипломом. Не сразу, но нашла престижную работу. Поставила новую цель – и опять стала лучшей, сделала карьеру. В хорошем смысле слова. Купила квартиру, хороший автомобиль.

Всего в двадцать шесть с небольшим она, как говорится, сделала себя. Сама. Порой стиснув зубы, но всегда с сухими глазами.

И вот теперь, из-за какого-то сна!.. Женька сердито смахнула со щек слезы и с решительным видом собралась вскочить с постели, но почему-то снова опустила голову на подушку.

Закрыла глаза, сделала несколько сильных, глубоких вдохов. С очередным выдохом, сквозь сжатые зубы, ее отпустило. Вместо опустошающей тоски и тошнотворной жалости к себе она почувствовала злость. К черту слезы и сопли! Она не привыкла проигрывать. Всегда ставила перед собой цель и получала желаемое. Ну и что с того, что сейчас ее мечта кажется несбыточной, попросту невозможной? Разве то, что она имеет сейчас, казалось ей большей реальностью всего лишь десять лет назад, в пропахшей дешевым куревом и водочным перегаром грязной двухкомнатной «хрущобе»?

Мечта не бывает несбыточной. Нужно просто уметь мечтать. Мечтать истово, целеустремленно. Но только о том, что тебе действительно нужно. Жизненно необходимо. Без чего – ну просто никак!.. Нужно... полюбить свою мечту. Сильно-сильно! По-настоящему. И тогда она обязательно сбудется. Ведь сбывалось же все до сих пор! А почему? Потому что она не опускала руки, не лила попусту слез. Она действовала. Вот и сейчас надо действовать, а не мочить подушку!

Женька вскочила, будто и впрямь собралась действовать. Но, постояв с полминуты, и осознав, что она сейчас «намедитировала», истерически расхохоталась. «Полюбить мечту»! Как же это здорово у нее получилось! Во всех, что называется, смыслах. Впрочем, подумала она, усилием воли оборвав истерику, это все-таки лучше, чем плакать.

* * * * *

Он стоял посреди песчаного пляжа, насыщенного цветом, как яичный желток. Девственно-чистый, не затоптанный тысячами ног, пляж был буквально, по-настоящему диким.

Впрочем, одна цепочка следов на песке все же имелась. Она тянулась от океана к полосе изумрудно-зеленой травы, которая простиралась до пальмовой рощи, такой же нарочито декоративной, как и все остальное вокруг.

Возле пальм стоял шалаш, крытый их листьями. Широкими и даже издали казавшимися прохладными.

Он не видел, но точно знал, кто ждет его в шалаше. Но, как бы ему ни хотелось сейчас туда, он не стал торопиться. Ему захотелось понять, вспомнить, откуда он знает, кто оставил следы на песке. И, самое главное, надо было понять, кто же такой он сам. Почему-то без этого понимания ему казалось неправильным идти туда, к своему Солнышку.

Он медленно опустил на песок. Запустил в него ладонь, поднял руку и, раздвинув пальцы, стал наблюдать, как желтые, словно крупички золота, песчинки текут ускоряющимися водопадами вниз, торопясь смешаться с триллионами собратьев, чтобы перестать быть почти ничем, а стать внушающим уважение широким и длинным пляжем.

Как бы хотелось и ему перестать быть неведомой крупинкой, у которой даже нет имени, и войти, влиться в огромный мир себе подобных!

Впрочем, разве этого ему по-настоящему хочется? Ведь на самом-то деле ему нужна только она, Женья, его любимая. Но ему известно уже, – неважно как и откуда, – что его нежное Солнышко принадлежит иному миру, с которым ему никогда не слиться, не стать одной из составляющих этот мир песчинок.

Хорошо уже, что он стал кое-что помнить. Он по-прежнему вываливался каждый раз из солнечной сказки в бесцветное и безразмерное ничто, но уже не растворялся в нем полностью, не становился с ним единым целым. Что-то продолжало жить, теплиться, пульси-

ровать, словно робкий лучик света в крошечной угрюмой тьме, согревая его надеждой. Он почти ничего не мог там по-настоящему вспомнить, знал лишь, что надо ждать. Обязательно. Сколько угодно долго. Тем более, понятия «долго» там не было. Там обитала лишь вечность. А скорее всего, там вовсе не существовало времени, ведь он снова и снова оказывался здесь, на ярко-желтом пляже под ярко-синим небом, и рядом с ним всегда была она – его любимая. Он почти ничего не помнил из их прошлых встреч, кроме двух ярких цветов: синего – неба и моря, и желтого – песка и солнца. Зато он всегда помнил ее – свое золотоволосое Солнышко. Помнил вкус ее губ и запах волос, помнил тепло ее рук и прохладную шелковистость кожи. А еще он помнил...

От неожиданности он подскочил, осознав вдруг, что помнит их прошлую встречу! Пусть не всю, и очень сумбурно, на грани бреда, но все-таки это были не абстрактные пятна, а именно воспоминания. Напрасно он сравнивал сейчас себя с безымянной песчинкой! Ведь в прошлый раз Женя дала ему имя!..

* * * * *

Женька лежала на полу шалаша, устланном большими, гладкими и прохладными листьями, с нетерпением ожидая его. Ивана. Она сама назвала его так, и у него теперь было имя. Почему-то оно вызывало в ней ощущение силы, тепла, доброты. Возможно из-за сказок, в которых часто именно так звали героя – сильного, смелого, красивого и доброго, – такого же, как ее Иван.

Ждать пришлось на удивление долго, хотя Женька была уверена, что он где-то рядом. Наконец зашелестели, раздвигаясь, листья, в проем брызнуло солнце, и Женька невольно зажмурилась. А когда снова открыла глаза, Иван был уже рядом. Он опустил на колени и осторожно положил руки поверх ее ладоней, которыми она невольно прикрыла груди. Помедлив, Женька высвободила руки, и прохладные большие ладони Ивана легли прямо на нежные полушария, накрыв их почти целиком. Она шевельнулась, призывая любимого к более активным действиям. Он все понял правильно, склонил над Женькиным лицом голову и коснулся ее губ своими. Совсем чуть-чуть, не раскрывая их. Глубоко вдохнул и сказал хрипло:

– Ты пахнешь хлебом... и молоком... Свежим хлебом и парным молоком...

– Съешь меня поскорее, – так же хрипло ответила Женька, забросила руки на спину Ивана и потянула его на себя.

Он целовал ее так, словно умирал от жажды. От неразделенной жажды любви, от томительного душевного одиночества... Словно годы, века, целую вечность он ждал и искал ту, которой сможет наконец отдать свою нерастраченную нежность, подарить свои ласки, поделиться всем собой без остатка, растворившись в любимой. У Женьки, не умеющей плакать, хлынули из глаз нежданные слезы благодарности, умиления, настоящего счастья. И это сделали всего лишь его поцелуи! Она постаралась ответить тем же, вложив в движения губ все чувства, что рвались навстречу любимому. Да, да, да, сотни раз да!!! Она любила Ивана, сотворенную ею мечту, – любила безоговорочно, полностью, без остатка, без сомнений, терзаний и сожалений. Она любила его, хотела его, желала его – нестерпимо, до жгучей сладостной боли в груди, до безумного жара, который, начавшись в глубинах ее естества, разливался уже по всему телу – поднимаясь, пульсируя, до самого затылка, и опустившись в то же время на бедра и ниже, в стремлении достичь кончиков мизинцев.

...Потом они долго лежали молча, крепко обнявшись, словно опасаясь, что бездонное ничто, тут же проглотит одного из них, стоит им расцепить объятия. Пусть уж лучше они растворятся в нем вместе, как только что растворялись друг в друге!..

Женька заговорила первой.

– Ты уже понял?.. Ты знаешь?

– Что ты любишь меня? Конечно же, знаю, – ответил Иван так нежно, что у Женьки перехватило дыхание.

– Это мы оба знаем давно. Но я не об этом... Ты знаешь, где мы сейчас?

Тело Ивана напряглось. Но только на миг. Он сказал все тем же, наполненным нежностью голосом:

– Да, знаю. Мы в твоём сне, Солнышко.

– Знаешь... – выдохнула Женька. – И давно?

– По правде говоря, понял это только сейчас. Когда ты спросила. Окончательно понял.

Женька почувствовала, как сердце дернулось и ухнуло вниз, наполнив рот железистым привкусом, заставив онеметь губы. В отчаянье она приподнялась на локте, умоляюще посмотрела на Ивана, но тот лишь тепло улыбнулся и помотал головой:

– Не надо, Солнышко. Не вини себя. Я не чувствую себя ущербным оттого что не существую. Ведь у меня есть ты, а больше мне ничего и не надо.

– Ты – моя мечта, – зашептала Женька. – Я полюбила мечту... Я так хотела быть с тобой, что ты стал мне сниться. Но это... Это не просто сны! Теперь уже не просто... Не знаю, как объяснить, но я знаю, я чувствую это!

– Я тоже знаю. Я помню теперь, что было раньше. Я почти чувствую себя... живым и между снами.

Женькины глаза вспыхнули надеждой. Она села и потянулась к Ивану. Но лишь ее руки коснулись плеч любимого, как она тут же отдернула их и затрясла головой:

– Нет, нет, нет! Этого не может быть! Это мне только снится!.. Мне хочется, чтобы ты так говорил, вот ты и говоришь. А на самом деле тебя нет и быть не может! Я замечталась, просто напридумывала все, сама себе запудрила мозги... Дура! Какая же я дура!..

Женька вскочила и, чуть не свалив шалаш, выбежала наружу. Иван рванулся за ней, но замер вдруг и вновь опустился на жесткие гладкие листья. Выражение отчаянья на его лице быстро сменилось задумчивостью, затем хмурые складки лба разгладились, а губы тронула едва заметная улыбка.

– Я ведь тоже теперь умею мечтать, – очень тихо сказал он перед тем как исчезнуть.

* * * * *

На сей раз, проснувшись, Женька не стала разлеживаться. И плакать не стала, хоть и очень хотелось. Даже не просто плакать, а выть. Но она лишь стиснула зубы, быстро вскочила и бросилась в ванную. Включила душ, открыв на полный напор холодную воду и отчаянно ринулась под ледяные, секущие кожу струи.

– На, на, получи! – зажмурившись, шипела она, судорожно корчась от жестокой для теплолюбивого тела пытки. – Вот так тебе, так!.. Остынь! Мечтательница! Извращенка!.. Сейчас мы твои мечты...

Договорить Женька не успела. Из-за шума воды она не услышала, как раздвинулась шторка, и сильно вздрогнула, когда на замерзшие плечи легла горячая, словно июльское солнце, ладонь.

– А мои? Что мы сделаем с моими мечтами?..

Антигорох для «принцесс»

Первой открыли Принцессу. Планета, размером чуть меньше Земли, имела плотную атмосферу и мощное магнитное поле, но вращалась очень близко от материнской звезды, красного карлика, всего в сорока миллионах километрах. На планете свирепствовали постоянные бури, вихрями раскаленного воздуха поднимающие тучи песка и пыли. На ней бушевали бесконечные грозы, отчего при взгляде из космоса темно-коричневый шарик казался искрящимся. А над полюсами, не затухая ни на мгновение, переливались волшебные по красоте полярные сияния, похожие на короны. Оттого-то планету и называли Принцессой.

Нрав у Принцессы был слишком капризный и неуживчивый, чтобы делать из нее перевалочную базу, а та была нужна в этой системе позарез. Поиски в космосе «кротовых нор» в конце XXI века увенчались успехом. В четверти светового года от пояса Койпера обнаружилась одна такая «дырка» в пространстве. Выходила «нора» черт-те где – на другом краю Галактики, возле безымянного красного карлика. А в его окрестностях нашли сразу пять «кротовых нор». Звезда тут же получила имя Крот, и начались поиски места для базы.

Вокруг звезды кружились еще две планеты: газовый гигант и планета земного типа – почти точная копия Марса. Ее, не мудрствуя лукаво, называли Аресом и начали там строительство.

Удача казалась очевидной, но первые сигналы беды пришли через три месяца после закладки космопорта, когда звездолет с новой партией работников прибыл на Арес. В базовом лагере царил настоящий разгром, а все поселенцы оказались мертвы. Вскрытие тел выявило единственную ненормальность: клетки мозга погибших были пропитаны допамином. Это вещество сродни наркотику, его активно вырабатывает мозг в момент сильного азарта или радостного возбуждения. Чему же могли столь сильно, буквально до смерти, обрадоваться эти люди?

Виновным оказался Крот, точнее, один из видов его излучения. Ранее ученым с ним не приходилось сталкиваться. Да и сейчас они не могли его «пощупать» – современные приборы загадочное излучение попросту не фиксировали. Феномен получил название драглучей. Понять, что это именно проделки звезды, помог случай, тоже трагический. Небольшая группа исследователей находилась в тот момент на Принцессе; как раз состоялся очередной сеанс связи с аресианской базой. Разговор велся сухим языком научных терминов и цифр. А потом началось странное: докладчик вдруг стал восторгаться суровой красотой Принцессы, ее вечными бурями и грозами, стал описывать, как он рад, что находится там... Казалось, он быстро и сильно пьянел. Но это было невозможным – спиртного исследователи не имели, да и в принципе уважали законы и правила.

Вскоре связь с группой оборвалась, а через пару часов симптомы неожиданной радости проявились и у персонала базы. Выжили лишь те, кто находился на подземных ярусах. Вывод был очевиден: неизвестное излучение шло именно от красного карлика. К счастью, оно было кратковременным, и от него прекрасно защищал даже двухметровый слой почвы.

Срочно были вырыты убежища, оставалось найти средство, способное заранее предупредить людей о приближающейся опасности. Трагедия исследовательской группы подсказала выход: организовать на Принцессе постоянную вахту. При первых же признаках необоснованной радости дежурные были обязаны подать на Арес сигнал тревоги, а сами укрыться в убежище.

Для этой задачи требовались очень чувствительные люди. Дежурные тройки стали комплектовать исключительно женщинами, которых подбирали среди наиболее раздражительных, пессимистически настроенных личностей, не склонных к неоправданной радости и веселью. Условия на станции сделали очень жесткими; повышенная температура, мини-

мум воды, безвкусная пища, теснота – все это могло вывести из себя даже отъявленных оптимистов. Но такие меры были вызваны необходимостью, чтобы выявить опасность наверняка.

Дежурных тотчас прозвали «принцессами на горошине». Только в отличие от сказки Андерсена здесь все было наоборот: вместо пуховой перины – жестокие неудобства, а вместо раздражающей горошины – приносящее радость излучение Крота. «Антигорох для принцесс», как невесело пошутил один из создателей проекта.

Очередная тройка «принцесс» заняла место улетевшей смены. Как обычно, дежурство началось с ругани и жалоб.

– Да они вообще охренели! – вытирая ладонями струящийся по лицу пот, воскликнула полненькая раскосая бурятка Тамара, последней выбравшаяся из скафандра в тесном до невозможности коридорчике станции. – Мы ведь не в коридоре дежурить будем, тут-то могли бы побольше места сделать!

– Жрать надо меньше, – буркнула из отсека старшая команды, худая как спица Илона. – Ничего, здесь ты быстро жир подрастопишь.

– Гадюка ты, Илонка, – прошипела Тамара. – И без того тошно, а еще ты...

– За гадюку можно и схлопотать, – огрызнулась Илона. – Командир здесь я, а неуважение к начальству карается. Еще раз услышу подобное – оставлю без обеда.

– Я уже догадываюсь, какой здесь обед, – пробурчала, заходя в отсек, Тамара. Оглядев крохотное помещение, где между трех кресел и протиснуться-то можно было с трудом, она с выражением матюгнулась.

– За маты тоже буду наказывать, – зыркнула на бурятку Илона.

– Ладно... – проворчала та и опять закрутила головой. – А где же тут спать и... это... которое в рифму? – смягчила она вопрос, не рискуя злить понапрасну Илону.

– Спать будем в этих же креслах. А туалет – в убежище, – кивнула на люк в полу Илона. – Кстати, того, кто станет занимать его дольше пяти минут, лишу обеда. Чтобы меньше... это... в твою рифму.

– А почему ты смотришь на меня? – возмутилась Тамара. – Я что, его уже занимала?

– Ты все-таки нарываешься? – поджала тонкие губы Илона.

– Девчонки, да перестаньте вы ссориться! – повернулась к ним молчаливая до той поры белокурая, кареглазая Жанна. – Вы посмотрите лучше сюда, – вновь, вместе с креслом, развернулась она к иллюминатору. – Красотища-то какая!

Снаружи бесновался обычный для Принцессы ураган. Кроме бурой мельтешащей пелены, от непрерывных вспышек молний становящейся на мгновения красной, ничего не было видно. Песок занудно и настойчиво скребся о стены, готовый свести с ума бесконечным шуршанием.

– Ты что, Жанка, рехнулась? – разбрызгивая капли пота, замотала головой Тамара. – Где ты нашла красоту? В заднице и то красивей!

– Гулина! – рявкнула Илона. – Сегодня ты не обедаешь!

– А что я сказала-то?! – задыхаясь от возмущения, возопила Тамара. – Это же не мат!

– За пререкания с командиром останешься и без ужина.

– Тьфу ты! – сплюнула бурятка и решила сорвать злость на Жанне: – Это все ты! Красота, красота!..

– Но ведь и правда же красота, девочки, – улыбнулась Жанна. – Вы посмотрите, она словно живая. Будто кровь пульсирует. И поет...

– Что делает? – нахмурилась Илона.

– Поет. Вот послушайте! Я, правда, петь не умею... – И девушка, нервно взъерошив золотистые волосы, заговорила вдруг плавным речитативом:

*– Шепчущий шорох шуршит за стеною,
Бурым медведем, замерзшим в берлоге...
Как одиноко ему! Он со мною
Хочет делить и печаль, и тревоги...*

– Замерзшим? – фыркнула Тамара и снова ладонями вытерла пот. – Да тут свариться можно!

– Погоди-ка... – с тревогой уставилась на Жанну Илона. – Ты чего это, подруга? Что, совсем хреново? Ты, часом, не того с непривычки? – постучала она согнутым пальцем по лбу.

– Нет, что ты, Илонка, – улыбнулась Жанна. – Просто мне хорошо.

– Что тебе?.. – вздрогнула Илона и перевела взгляд на Тамару: – Тебе тоже хорошо?

– Охренеть как! – цыкнула та, подняв большой палец. Затем сменила его на средний.

– Отставить шуточки! – вскочила из кресла Илона. – Доложите по форме о своих ощущениях! Зиминая!..

– Илон, да ты чего? – медленно поднялась из кресла Жанна. – Я ведь не в том смысле хорошо, а вообще...

– Ей хорошо, что к нам медведь лезет, – захихикала вдруг Тамара. – Бурый.

– Ну, если бурый, то конечно, – улыбнулась вдруг Илона и расслабленно плюхнулась обратно на место. – Такой большой, волосатый, вонючий мишка! Эх-х, девки, вот бы и впрямь, а? – Она засмеялась неприятным скрипучим смехом, а Тамара заливалась уже вовсю, едва не падая с кресла.

Жанна стояла, растерянно хлопая глазами.

– Девчонки, вы чего?.. – начала она, и тут до нее дошло. Она подскочила к Илоне и затрясла ее за плечо: – Илона, вставай! Срочно в убежище! Излучение! Драг-излучение! Нужно срочно предупредить базу!

– Из... из... излучение?.. – продолжала реготать Илона. – Излучение от мишек? Не хочу-у-у!.. – капризно поджала она тонкие губы и снова заржала, отпихивая Жанну руками и ногами.

А Тамара уже каталась по полу, издавая не смех даже, а икающий кашель.

Жанна заметалась между девушками. Затем, с трудом отодвинув дергающуюся в судорогах Тамару, она открыла люк и буквально столкнула туда бурятку. С Илоной пришлось провозиться дольше, но в конце концов та потеряла сознания и Жанне удалось стащить вниз и ее.

Похоже, Тамара сломала при падении ногу – та была неестественно вывернута, – но Жанне было сейчас не до этого. Она подбежала к пульта и нажала клавишу тревоги.

Мощность излучения была самой сильной за все время. Оттого-то столь быстро и резко подействовало оно на дежурных. На двух дежурных. На Жанну Зимину оно, казалось, не подействовало вовсе.

– А эти стихи? – допытывались потом у девушки члены комиссии. – А любование «красотами» за окном? Разве это были не симптомы? Вы же сказали командиру, что вам хорошо.

– Н-нет... – отчего-то покраснела Зиминая. – Это были не симптомы. Это не из-за драг-лучей.

– А из-за чего же? – вздернул брови председатель комиссии.

– Просто я... – опустила глаза девушка. – Просто я влюбилась.

Оказалось, что мозг влюбленных тоже выделяет допамин. И это становится некой блокадой, мешая драг-излучению воздействовать на мозг. Стоит ли говорить, что коллектив сотрудников базы стали теперь формировать в основном из влюбленных пар? Впору было переименовывать «Марс» в Венеру.

А «принцессы на горошине» продолжали нести нелегкие вахты.

Йалокин

Я в больнице. В больнице? Да, именно в ней. Коридор – длинный, пустой, серый. Ни звуков, ни запахов. Вот именно, нет характерного больничного запаха... Почему я решил, что это больница? И, тем не менее, я почти уверен в этом. Я это знаю, вот и всё.

Не видно людей, лишь невзрачные блеклые стены: ряд дверей справа, квадраты света по левую сторону...

* * *

– Нет людей, нет больничного запаха, – прерывает меня лысый собеседник, и его мелкие бесцветные глазки превращаются в насмешливые щелочки. – Почему же вы так уверены, что это больница?

Меня раздражает нелепость ситуации. Я у психотерапевта! Чувствую себя неудобно, мне неловко, стыдно, но эти сны, перепутавшиеся с явью, меня уже доконали.

Вместо ответа прикасаюсь ко лбу, где наискось, от середины, из-под волос и почти до виска струится багровое русло шрама.

– Да, я наслышан, – кивает доктор. – Случайный осколок...

– Случайный!.. – усмехаюсь я. – На войне не бывает случайностей. Это, скорее, закономерность. Я еще легко отделался. Но по госпиталям и больницам повалиться пришлось. Я их теперь нутром чую, они мне в душу, в печеньку вросли!

– Ну, хорошо. Пока всё понятно. Раз у вас подобные заведения «в печенках», то сниться они вам будут еще, вероятно, долго. Продолжайте.

Психотерапевт откидывается на спинку кресла и складывает короткие пухлые ручки на солидном полушарии живота.

Я прикрываю веки.

* * *

...Невзрачные блеклые стены: ряд дверей справа, квадраты света по левую сторону. Я подхожу к ближнему окну, выглядываю на улицу. Снизу мне машет... Аня! Анютка, Анюшечка... Как я люблю это имя! Особенно полное – Анна. Имя-палиндром. Не так уж много таких имен, если подумать. Разве что «Алла» придет в голову сразу. Но «Алла» – слишком громко, развязно. «Анна» же – словно вздох, мягкое, задумчивое, чуточку грустное. Как и сама она – моя Анюша. Да нет, не моя. Лишь только в мечтах, да и то... Неправильные это мечты, нелепые, глупые. Когда спохватываюсь, гоню их от себя, но они настырны: возвращаются снова и снова. Но это когда Анны нет рядом. Сейчас же она – вот, всего лишь в нескольких метрах от меня. Улыбается, машет. Прямые темные волосы косой челкой закрыли левый глаз. Анюта отбрасывает их нетерпеливым жестом, и ее орехового цвета глаза оказываются напротив моих, будто и нет между нами двух этажей. Улыбка живет лишь на Аниных губах, глаза абсолютно серьезны, в них плохо спрятаны волнение и тревога.

Лишь теперь замечаю с ней рядом Лену Белову и незнакомого парня. По сердцу стегает веточкой ревности. Я приказываю ему заткнуться и молчать. На ревность я не имею никакого права. Как и на саму Анну. Впрочем, этот парень мог прийти с Леной... Я злюсь на свою «находчивость» и почти с мазохистским наслаждением спешу наказать себя несокрушимой очевидностью: парень моложе Беловой пожалуй что вдвое. А вот Ане – вполне под стать. Мысленно морщусь: сам-то я младше Лены совсем ненамного.

Мотаю головой, отгоняя ненужные мысли, и пришедшие навестить меня коллеги принимают это за приветственный кивок. Они начинают что-то кричать мне, но я не слышу, стараюсь по губам прочесть значения слов... Рука тянется ко лбу, пальцы скользят сверху наискось, к виску, словно ищут там что-то. Кожа ровная, гладкая, как и положено. Я продолжаю тереть лоб. Чего-то недостает... Что-то должно быть тут, под недоверчивыми пальцами, кроме гладкости кожи. Они будто помнят это и продолжают искать. Не находят.

Я опускаю руку и снова гляжу вниз...

* * *

– Минутку! – останавливает меня доктор. – Вы терли лоб, помня о шраме?

– Да ни хрена... ничего я не помнил! – раздраженно бросаю я. С усилием прячу раздражение, смягчаю тон: – Я хочу сказать, что о шраме я не только не помнил, я о нем вообще не знал. Ничего. Там ему не было места. Там я не был солдатом. Скорее всего – мелким чиновником, клерком...

– Ваша жена – программист, – бросает доктор. Как мне кажется, невпопад. Уточняю:

– При чем тут моя жена? – До меня не сразу доходит, что я вообще не помню ни о какой жене. Но лысый уводит разговор в другую сторону:

– Вы вспоминали об именах-палиндромах. Почему?

– Да потому что «Анна» и есть палиндром. Такие имена – редкость, я же говорил.

– Вам не кажется, что вы невольно переносите редкость имени на его обладательницу? – подается вперед доктор. Я опять начинаю злиться:

– Мне не кажется. Она и есть – редкость. Единственная. Лучше всех!.. – Спohватившись, умолкаю. Не хватало еще признаваться самодовольному толстяку в моей любви к Анне. Но тот словно не замечает этой вспышки, спокойно продолжает:

– Не думаю, что подобные имена столь уж редки. Вот вы еще вспоминали «Аллу»... – Он надолго задумывается, потом удивленно выдыхает: – И правда, редкость... Разве что «Ада» еще, да мужское одно, и то уже позабытое, – «Тит».

Я ухмыляюсь. Как-то я указал Ане на редкое свойство ее имени. Она тут же «перевернула» мое. «Йалокин», – засмеялась тогда Анюшка, и я подхватил ее смех: «Ага, Йолупукки. Финский Санта-Клаус». «А что? – удивилась Аня. – Ты ведь и правда Клаус!» «Только не Санта», – скривил я в улыбке рот. «Санта, Санта!» – зажала Анюша мою гримасу ладошкой.

Я вздрагиваю, выдернутый из воспоминаний голосом доктора:

– Так что там у нас было дальше?

* * *

...Я снова гляжу вниз. Анна по-прежнему машет мне, но уже не приветственно, а призывно.

Непостижимым образом оказываюсь на нижнем пролете лестнице. Рука еще на перилах. Сверху ложится ладонь Анны. Маленькая, теплая, нежная, родная... Случайность? Нет, она не убирает руку. Смотрит мне прямо в глаза, словно ищет что-то там, в глубине. Не выдерживаю, отвожу взгляд. Не могу, не верю...

Замечаю рядом Лену Белову. Она кивает:

– Привет, Коля! Как дела?

Не успеваю ответить; Аня вдруг отдергивает ладонь и обвивает мне шею руками. Я стою замерев, не шевелясь, только сердце колотится гулко и часто. Мне хочется, чтобы Анна всю жизнь вот так висела на мне... Но почему? Зачем она сделала это? Не могла, не должна

была совершить столь странный поступок моя серьезная, избегающая даже шутивых объятий любимая...

И почему не реагирует Лена? Не удивляется, не краснеет, не прячет глаза. Будто и не происходит ничего необычного.

Мне становится ужасно неловко под равнодушным взглядом коллеги. Чтобы спрятать глаза, поднимаю к ним запястье с часами...

* * *

– У меня снова вопрос, – дотрагивается до моей ладони доктор. – Вы сказали, что Анна избегает объятий. Почему?

– А почему она должна обниматься со мной? Кто я ей? Брат, сват... любовник?.. – Я нервно всхлипываю. – Если я ее... если я испытываю к ней какие-то чувства, это вовсе не значит, что и она должна испытывать подобное ко мне.

– Но ведь она... – вскидывает брови доктор и замолкает, вновь уронив их к переносице.

– Что «она»? – Я невольно напрягаюсь, будто ожидая неприличное высказывание в Анин адрес.

– Н-нет, ничего, – опускает глаза толстяк.

Что-то тут явно не то, но мне почему-то не хочется ничего выяснять. Становится неприятно и даже... страшно. Мне не нравится это, и я спешу продолжить рассказ, не дожидаясь указания доктора.

* * *

...Я поднимаю к глазам запястье с часами. Половина десятого. Что?! Но ведь мой теплоход... Он уже отходит!

Бегу к причалу, заполненному провожающими. Так и есть – между бетонным краем и белоснежным бортом уже пара десятков метров! Угрюмый матрос почти вытянул на палубу трап – две грубо сколоченные доски с поперечными брусками-ступенями.

Машу руками, кричу. Толпа на берегу подхватывает мои вопли, кто-то пронзительно свистит, кто-то орет: «Поворачивай взад, пациента забыли!»

На теплоходе незамедлительно реагируют. Судно теряет ход, останавливается, сдает задом. Вновь выдвигается дощатый трап. Облегченно перевожу дух. Но замечаю вдруг, что я уже не у края причала, а довольно далеко от него. Между мной и надвигающимся белым бортом – толпа, которая больше не кажется доброжелательной. Люди толкаются, матерятся; каждый стремится оказаться поближе к трапу, который уже почти касается нижним краем бетона.

Я снова кричу и тоже бегу к трапу. Пытаюсь бежать; ноги становятся ватными, воздух словно сгущается. С ужасом наблюдаю, как недавние провожающие отчаянно рвутся стать пассажирами; исступленно карабкаются по трапу, безжалостно сталкивают в воду менее расторопных, со всего маху лягают напирających сзади, бьют кулаками в перекошенные, разъявленные в панической ярости рты.

«Их можно понять, – неожиданно думаю я, – ужас войны превращает людей в скот. Каждый сам за себя. Спасайся, кто может. Быть может, этот теплоход последний...»

А ведь и правда – последний! И скоро тут всё превратится в кроваво-огненный ад. А я? Как же я?! Я не солдат, я простой обыватель! Я нежен, хрупок, я беспомощен и беззащитен! И я хочу жить!

Животный ужас захлестывает меня, подстегивает, удесятерляет силы. Я снова рвусь к краю причала и вдруг слышу сзади:

– Йалокин!

Боже, я забыл про Анну! Спасая шкуру, забыл о любви... Значит... значит, я не любил... не люблю?... Ведь нет ничего на свете сильнее любви; ни война, ни инстинкт самосохранения не могут, не должны победить ее, затоптать, загубить, заставить забыть...

– За-за-за-за-быбыылиии!!! – иступленно вою я, видя, как вновь задираются вверх перечеркнутые множеством деревяшек-ступенек доски, как отступает белоснежная стена спасения от опустевшего причала. А я не могу остановиться. Я всё бегу и бегу, нелепо вскидывая ватные ноги в воздушном киселе. И он милосердно заползает мне в уши, затыкает их холодными, липкими берушами, и я уже почти не слышу полустон-полушепот:

– Йалокин!..

* * *

Я замолкаю. Пытаюсь прийти в себя. Получается плохо. Частично я всё еще там – на причале, бегу к отплывающему теплоходу. И мне кажется, что сидящий напротив лысый толстяк – не более чем мираж, сновидение. Наступает именно то состояние, что и заставило меня обратиться к нему. Полуявь-полусон, неявь-несон, или, еще точнее: «Где явь? Где сон?»

«Может быть, и Анна мне всего лишь приснилась?» – с обреченной надеждой думаю я.

Мысль о любимой, которую предал, заставляет меня очнуться полностью. Резко, разом, рубящим ударом топора отрезая сон от яви. Или... явь от сна?..

– Ну, ну!.. – Оказывается, доктор уже вылез из кресла и склоняется надо мной. – Очнулись? Вам плохо?

– Нормально, – бурчу я под нос, злой на себя за проявленную слабость. Злость придает сил, я выпрямляюсь, мотаю головой: – Я в порядке. И у меня всё. Если вот это, – обвожу я вокруг руками, – не продолжение сна.

Толстяк хихикает, вновь опускается в кресло и хитровато-блаженно щурится: – Знаете, а ведь ваш сон ничем особо и не примечателен. Нормальный сон. И вот этот логический разрыв, когда пропадает больница и появляется корабль – тоже, по сути, логика. Больница – здание – пассажирский теплоход. Это ведь сходные понятия. Куда-то опаздывать во сне – обычное дело. Война – это отголоски вашего прошлого. Также где-то как-то нормально... Я не саму войну имею в виду, а факт присутствия данной темы в ваших снах.

– А предавать любовь – тоже нормально? – сжимаюсь я в судороге подступающего гнева.

Доктор прячет бесцветные глаза под мясистыми складками век. Лысина его покрывается капельками пота, он быстро смахивает их ладонью и говорит, глядя в сторону:

– Прошу извинить меня, но я должен задать этот вопрос... – Он замолкает, сопит, подбирая слова, и я не выдерживаю:

– Да спрашивайте же, черт вас дери!

– Вы изменяли жене? – выпаливает толстяк и вжимается в спинку, будто ожидая удара.

Вполне возможно, я бы его и ударил. Будь у меня у жена. Которой я был бы верен долгие годы. Тогда, наверное, вопрос толстяка оскорбил бы меня. Но жены нет. Есть лишь любимая, которую я предал во сне. И которую продолжаю любить наяву. Любить, не признаваясь ей в этом. Хотя, конечно же, Аня давно обо всем догадывается. Но я не собираюсь говорить с ней о любви. Потому что не хочу ломать ей жизнь. А еще потому, что она не любит меня. Не может она меня любить! Не бывает на свете чудес.

Скрипнув зубами, бросаю:

– У меня нет жены.

Доктор хмурится. Снова отводит взгляд, дергает лысиной.

– Вы успокойтесь, голубчик, – бормочет он. – Всё в порядке, вы не спите.

– Я надеюсь, – хмыкаю я, не понимая, к чему он клонит.

– Всё в порядке, – повторяет психотерапевт. Теперь в его голосе слышится больше уверенности. – Успокойтесь, расслабьтесь, забудьте ваш сон и вспомните...

– Что? – начинаю я злиться по новому кругу.

– Ну, для начала, с кем вы сюда пришли. Кто ждет вас там. – Доктор тычет пальцем-сарделькой в сторону обитой рыжим дерматином двери. Я невольно гляжу на дверь и нервно выхохатываю:

– Же?... на?

Толстяк расплывается в улыбке и умиленно кивает.словно перед ним любимое чадо, впервые сказавшее «папа».

Злость мгновенно улетучивается. Мне становится страшно. Я вскакиваю и начинаю возбужденно лепетать, словно уговаривая доктора:

– Да поверьте, ну нет у меня жены! Вот, смотрите, у меня и кольца обручального нет!... – Я вытягиваю правую руку и замираю. Глаза мои пялятся на распростертую в воздухе ладонь, но я отказываюсь им верить. На безымянном пальце... блестит золотой ободок.

Всё. Я не выдерживаю. Кольцо добило меня. Хватаю толстяка за лацканы пиджака, начинаю трясти:

– Что это?! Что?! Твои дурацкие методы?! Пока я был в отключке?... – Пытаюсь сдвинуть кольцо, но оно сидит мертво, словноросло в палец. – Тупой идиот! Сволочь! Скотина!... – Я выплевываю в лицо доктора и некоторые другие слова, но тот, надо отдать ему должное, выдерживает мой натиск достойно. Ждет, пока я успокаиваюсь и подходит к рыжей двери. Открывает, говорит кому-то за ней:

– Анна Михайловна, будьте любезны, зайдите!

Дверь распаивается. В проем шагает... Аня. Анютка. Анюшечка. Моя любимая.

Глаза закатываются к потолку, я вижу, как быстро он удаляется, жду удара пола о спину и...

* * *

...Падаю в белую пустоту. Точнее, мягко опускаюсь в нее. Передо мной по-прежнему сидит доктор. Нет... Не доктор. Вообще непонятно кто. Почему-то не могу сфокусировать взгляд на фигуре напротив. Зато, опустив глаза, вижу на себе нелепый красный полушубок с белой каймой. Она сливается с фоном и кажется, что ноги мои в черных сапожках с блестящими пряжками отрезаны и парят отдельно от тела. Я невольно шевелю ими, чтобы развеять неприятную иллюзию. Ноги охотно отзываются. Зато я не помню, кто я такой.

Вслух я ничего не говорю, но ответ получаю сразу:

– Как кто? Йолупукки, конечно.

– Нет-нет, Йалокин! – внезапно вспоминаю всё. Ну, или почти всё. Мой нечеткий собеседник отмахивается:

– Да какая разница! Главное, что ты можешь то, чего не могут другие. Значит, ты и есть этот... Санта-Клаус. Тирли-динь, тирли-динь, тирли-динь!... – гнусаво поет расплывчатый хмырь.

Я в очередной раз начинаю злиться:

– Да какого?!... Что я еще там могу?! Кто ты вообще такой?!

– Я-то не всё ли равно кто? – Голос Неясного тоже становится злобным. – А вот ты – пакостник! Наворотил, напутал, понимаешь...

– Что я напутал? Что наворотил?... – Я отчетливо понимаю, что шутки кончились. Но совершенно не могу понять, чего от меня хотят.

– Где сон? Где явь? – говорит Нерезкий моим голосом. И добавляет грустно и тихо: – А любовь? Все-таки есть? Или она лишь сон, вымысел, нелепая ошибка? – Голос становится сухим, жестким, чеканным: – Выбирай. Исправляй. Мир потерял равновесие, расфокусировался. Он на грани исчезновения. Из-за тебя.

– Да почему из-за меня-то?! – взываю я то ли к туманному незнакомцу, то ли к белой пустоте вокруг.

– Да потому что ты – Йалокин. Йолупукки. Санта-Клаус. Просто Клаус, без Санта. Какая разница? Всё равно выбирать тебе.

– Что? Что мне выбирать? – Мой голос предательски дрожит. Я сдаюсь. Мне ничего не остается.

– Где сон, где явь. Как решишь – так и будет. Но если ошибешься... Мало не покажется. Всем. И тебе тоже. И Анне.

Я наконец-то понимаю. Моя болезнь, где сон перепутался с явью... Каким-то образом она повлияла на реальность. Поставила мир на грань исчезновения. И я должен понять, что же в моей жизни сон, а что явь. Где настоящий мир: там, где я со шрамом на лбу, или там, где, обрубив любовь, шрам пересек сердце? Чушь, бред, нелепость!

Да-да, может быть, все-таки бред? Вот это всё – тоже бред, очередной сон?.. Тогда не нужно ничего выбирать, всё это чушь собачья. А если все-таки явь, то ее-то как раз и надо выбрать. Как всё очевидно и просто!

Я не успеваю открыть рот, как псевдооблачный некто произносит усталым голосом:

– Не умничай. Выбирай. Осталось восемнадцать секунд.

– Постой-постой, – протестую я, но тут же слышу отчетливое щелканье метронома. Мозг непроизвольно включает обратный отсчет: «Семнадцать, шестнадцать, пятнадцать...»

И я собираюсь. Сосредотачиваюсь. Соображаю, анализирую.

Больница – корабль. Мало логики. Это сон. Но тогда явь – где я ранен, контужен. Значит, и с логикой у меня может быть не всё в порядке. Или с восприятием, с отображением, с чем еще там... Может, как раз больница-здание-корабль – это и есть логика, как говорил лысый доктор? В том, что я добровольно пошел к психотерапевту, еще меньше логики. Нет, так мне не определиться...

«Семь, шесть, пять...»

Ой-ёй-ёй! Думай быстрее! Еще быстрее! Вот так... Чувствую, как мыслительные процессы ускорились до предела. Восприятие времени заметно притормозило.

«Чееееетыыы...»

Остается Анна. Любовь – единственный критерий. Так ведь и должно быть. Любовь – это жизнь. И наоборот.

Итак. В одном случае я предал. Оказался слабаком. Инстинкт самосохранения взял верх. Это позорно, обидно. Стыдно узнать о себе такое, но это вполне возможно. Это реально.

«...реее, триии...»

В другом... А что в другом? С ужасом понимаю, что не помню, как у меня было с любовью в другом случае... Любил ли я там Анну вообще? Да и была ли там Анна?..

«Дваааа, ооод...»

Вспышка в мозгу. Рыжий дерматин. Дверь. Анна. Жена!

Какая жена?!.. Аня, Анютка, Анюшечка!.. Моя любимая! Она не может быть моей женой!!! Это нелепо, это невозможно, это бред, это – соооооон!!!

«...иин!»

Я успеваю.

* * *

...Я всё же успеваю прыгнуть, ухватиться за край грубо сколоченных досок. Перехватываюсь, цепляюсь за ступеньку, подтягиваюсь. Черные волны подо мной раздосадованно облизываются, шумят, шуршат о белый борт, шелестят пузырьками злобной пены, заглушают, занавешивают мне уши... Но я всё равно слышшу... Тихо-тихо. Слабо-слабо. Удаляясь. Исчезая.

— Йалокин!..

Я глохну от спасительного воя сирен.

Щель времени

В темноте даже слабый свет кажется отчетливым и ярким, а звуки, на которые в суматохе дня просто не обращаешь внимания, ночью раздаются близко и громко. Тиканье будильника настолько раздражало Алексея, что он, мучаясь бессонницей, уже не раз собирался его выкинуть. Но жена Ирина возмутилась таким кощунственным мыслям супруга по отношению к «антикварной» механической вещи, и Алексею пришлось вначале терпеть, а потом и вовсе сжиться с этим звуком. Он настолько привык к нему, что сразу проснулся, когда звук прекратился. Зеленеющие во тьме стрелки показывали три часа ночи. Надо было встать и завести будильник, но сознание категорически протестовало против того, что нужно вылезать из-под теплого одеяла, топать к полке и заводить этот проклятый часовой механизм. На полку Алексей его поставил сознательно, чтобы не выключить утром звонок в полусне и не проспать на работу. Теперь это обстоятельство играло против него.

Так он пролежал с минуту, решаясь на неприятное действие, и вдруг заметил, что лежит в постели один. Ирины не было. «Пошла в туалет или попить на кухню, – подумал Алексей. – Что ж, отлично, будет возвращаться и заведет будильник». И остался лежать, поджидая прихода жены. Но прошло уже минут пять, а Ирина все не возвращалась. «Ира! Где ты там застряла?» – крикнул в темноту Алексей. Ответа не последовало. «Что за черт?» – возмутился он, все-таки вылезая из-под одеяла. Прошлепал босыми ногами на кухню, зажег свет, заглянул в туалет, ванную – Ирины нигде не было. Тогда Алексей включил лампу в прихожей: куртка жены, пальто, плащ, – все висело на своих местах. Туфли и сапоги стояли тут же. «Не ушла же она в шубе?» – удивился Алексей, но все-таки открыл шкаф. Шуба мирно покоилась на плечиках. Сон окончательно прошел. Куда могла пойти жена ночью, да еще не одевшись в самом разгаре октября, Алексей понять не мог. И вообще, зачем ей куда-то уходить, не сказав ему ни слова? Жили они дружно, особой любви может и не было, но и поводов для ссор – тоже. Типичная благополучная семья. Вот и появления ребенка через три месяца ожидают. «А может...?! – мелькнула вдруг у Алексея дикая мысль, от которой он вмиг покрылся потом. – Но нет же, даже бы если что-то случилось, то он ведь все равно бы это услышал, его бы просто разбудили в конце-то концов! Но где же Ирина?!»

Алексей еще раз громко позвал жену, зачем-то заглянул под кровать, будто она собралась играть с ним в прятки, и тяжело опустился на стул. Мыслей в голову больше не шло никаких: ни абсурдных, ни здравых. Делать что-то казалось бессмысленным, но ведь что-то же надо было делать! Тогда Алексей накиннул на голые плечи халат, сунул ноги в шлепанцы и вышел на лестничную площадку. Пойти к соседям Ирина тоже не могла, с соседями они не поддерживали никаких отношений, еще не успели, квартиру купили совсем недавно. Правда, один раз просили соль – забыли купить, а магазин уже закрылся. Но не пошла же она ночью за солью! И все-таки Алексей решился позвонить в соседнюю дверь. Прислушался: шагов и прочих звуков не было. Тогда он позвонил смелей, еще раз, еще, начал стучать в дверь, уже не опасаясь, что разбудит весь подъезд.

Страх обуял Алексея. Он липким холодком прополз между лопатками, покрыв кожу пупырышками. Теперь Алексей уже не соображал, что делает. Он кричал, ругался, стучал во все двери, выбежал на улицу, как был, – в одном халате. Холодный осенний ветер с морозью немного отрезвил его. Алексей вернулся в квартиру и стал одеваться.

Он выскочил на улицу в надежде найти хоть кого-нибудь, хоть одну живую душу, чтобы его успокоили, объяснили что-то, сказали, что жильцов его дома срочно эвакуировали в связи с какой-нибудь аварией, а про него в спешке забыли. Но никто не встречался на темных улицах города, не было даже собак и кошек. Дома смотрели пустыми, темными глазницами окон.

«Может, я сошел с ума?» – подумал Алексей. Пожалуй, он бы этому сейчас даже обрадовался. Но мозг, как никогда, работал поразительно ясно. Он даже зафиксировал, что отдельные автомобили стоят прямо посреди проезжей части, будто их побросали в спешке, некоторые съехали с мостовой на тротуары и уткнулись радиаторами в стены домов, словно водители выпрыгивали на ходу. Тогда Алексей подбежал к стоящей поблизости «Мазде» и завел двигатель.

Он мчался по улицам, объезжая брошенные машины. Нигде никого! В отчаянии он резко затормозил и обхватил голову руками. Что же это?! Этого просто не могло быть! Город вымер, вымер до последнего человека, до последнего несчастного голубя! Все живое забрала с собой какая-то нечистая сила, и некуда было обратиться, некому пожаловаться, не у кого спросить: почему так случилось, почему и его, вместе со всеми, не вымела эта фантастическая метла?

До областного центра было километров сто тридцать. Там пять лет назад он закончил университет, там жили многие из его друзей, там жила Света, которую любил Алексей когда-то неожиданно вспыхнувшей и так же внезапно погасшей любовью. Он гнал сейчас в этот город машину, словно надеясь непременно получить загадочный приз, обещающий его спасение. Зачем он ехал туда, Алексей и сам не смог бы ответить. Но он продолжал мчаться, рассекая брызги осенней мороси, словно и впрямь нечистая сила гналась за ним верхом на метле.

Областной центр, как и ожидал Алексей, оказался пуст. На его улицах тоже стояли в беспорядке немногочисленные в ночное время автомобили. И тут Алексея словно ударило током: *ночное время!* До сих пор не рассвело, хотя, по его расчетам, должно уже быть часов восемь утра. Конечно, осенью светает поздно, но темнота по-прежнему была ночной, угрюмой, безо всякого признака рассвета. Он выехал на привокзальную площадь, взглянул на большие круглые часы. Часовая стрелка застыла на цифре «3»! Тут Алексей догадался посмотреть на часы, встроенные в панель «Мазды» – три часа! Три часа ночи! Время, когда он проснулся от остановки будильника! «Наверное, я в самом деле сошел с ума», – решил он. Иного факта, объясняющего ситуацию, попросту не было.

И тут он увидел свет в окне стоящего перед машиной дома. Свет горел ровно, спокойно и мирно, будто и не произошло ничего, будто просто проснулся человек, собираясь на работу, и зажег свет на кухне, чтобы вскипятить себе чаю, позавтракать и начать обычный будничным день, похожий на тысячи дней, что уже были в его жизни, и что еще непременно будут впереди.

Алексей взбегал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Он очень боялся, что свет в окне погаснет, окажется миражом, что он снова останется один, совершенно один в этой страшной осенней ночи!

Он нажал на кнопку звонка и не отпускал ее до тех пор, пока дверь не распахнулась. Именно распахнулась, резко и нервно, и Алексей не успел опомниться, как молодая женщина, вылетевшая из нее птицей, повисла у него на шее, рыдая. Она плакала громко и радостно, взхлеб, будто ее долго держали взаперти, и вот наконец пришел час освобождения.

– Что же это? – приговаривала она, продолжая рыдать и сжимать Алексея в объятиях. – Что случилось с миром? Где моя мама, где Алешка?!

Алексей осторожно отстранил женщину. Ее голос показался очень знакомым. Он пригляделся и вскрикнул:

– Света! Ты?!

Женщина вздрогнула и перестала плакать.

– Алексей?..

Они замерли, напуганные происшедшим, растерянные, но еще более пораженные тем, что в этой страшной ночи из всех людей, населявших Землю, остались на ней только они двое, и что этот дикий, не поддающийся разуму случай сделал так, что они стояли друг перед другом, не зная, что делать, не находя даже слов.

Тут силы оставили женщину, она покачнулась и непременно упала бы, если бы Алексей, сделав шаг назад, не подхватил ее в последнюю минуту. При этом он неловко оступился, но равновесие сохранил. Однако едва попробовал перенести тяжесть двух тел на подвернувшуюся ногу, как тело пронзила острая, безжалостная боль. «Этого еще не хватало!» – раздраженно подумал Алексей и, сильно припадая на поврежденную конечность, понес бесчувственную Свету в квартиру.

Сознание вернулось к Светлане после того как он приложил к ее лбу тряпку, смоченную холодной водой.

– Как... ты тут оказался? – медленно произнесла женщина помертвевшими губами.

– Случайно. В нашем городе то же, что и у вас, – сказал Алексей, потер лоб и выдохнул: – Но почему? Что же все-таки случилось?! Я не знаю, я ничего не понимаю!

Он обхватил голову руками и нервно рассмеялся:

– По-видимому, на всем белом свете сейчас остались только два живых существа – ты и я. Впрочем, – отдернул он занавеску, – на черном свете. Время тоже остановилось. Если пытаться это объяснить сюжетами фантастических романов, мы провалились в какую-то щель времени. Но почему только мы с тобой? Случайность это или...

Алексей замолчал.

– Боже, но где же мама, где Алешка? Он же совсем маленький, ему ведь только пять лет! Что с ним? Я не переживу этого! – Светлана снова заплакала.

– Постой, какой Алешка? – удивился Алексей. – У тебя есть сын?

– Да, это наш сын, – сказала Светлана, продолжая всхлипывать. – Когда ты оставил меня, я не стала тебе ничего говорить... Зато теперь у меня есть сын! Был сын...

Светлана вдруг дикими глазами уставилась на Алексея:

– Где он? Что с Алешкой?!

Она вцепилась в края его куртки и зарыдала громко и отчаянно.

– Ну что ты, Света, – пытался успокоить ее Алексей. – Ну, может еще все образуется, все кончится так же, как началось.

Алексей уговаривал Свету, а в голове постоянно крутилось: «Наш сын... Мой сын! Господи, почему она молчала, почему ничего не сказала, ведь было бы все иначе! Впрочем, было бы? Да, было бы! И мы были бы вместе, и не было бы этого кошмара! Это я, я во всем виноват! Но что же теперь делать?»

Алексей вдруг невесело усмехнулся и произнес:

– Мы теперь с тобой как Адам и Ева...

Он понял двусмысленность фразы и замолчал. А Светлана, вздрогнув, подняла на него большие заплаканные глаза и сказала тихо, но решительно:

– Нет, Лешенька, ты меня уже потерял. Навсегда.

– Потерял, но нашел, сама судьба назначила нам быть вместе. – Алексей проговорил это неуверенно, будто убеждая в чем-то себя самого и это плохо ему удавалось.

– Я не знаю, как мы будем жить дальше, но знай, что меня ты потерял, и встретил ты здесь не меня, а свое воспоминание обо мне, – снова тихо сказала Светлана. – Оно, наверное, таилось где-то в самой глубине твоей души, да, Алексей? А вот сейчас выпорхнуло наружу и тебе кажется, что это я – та, давешняя Светка, влюбленная в тебя по уши и обрадованная теперь до бесчувствия, что мы снова встретились, да еще как – вдвоем в пустынном мире. Нет, Лешенька, той Светки больше нет, она осталась там, в прошлом, шесть лет тому назад.

– Но ведь как-то же надо жить! – воскликнул Алексей, начиная злиться и на себя, и на Свету, и на этот фокус природы, так вероломно разрушивший спокойное течение его жизни. Словно плотина преградила вдруг тихую, теплую речку, по которой он брел босиком – и вот он уже с головой в омуте, и не достать никак дна, и показавшийся островком клочок зеленой травы ушел под воду от первого прикосновения, так как был всего лишь куском дерна...

– Надо же как-то жить... – повторил Алексей уже тише.

– А зачем? – спросила вдруг Света. – Мне незачем. У меня больше нет Алешки, нет мамы, нет людей... Ради чего жить?

– У нас будет много детей, – горячо заговорил Алексей. – Мы передадим им свои знания, опыт, пусть через десять, пусть через сто поколений возродится цивилизация, пусть опять ей придется пройти заново весь путь, но главное – чтобы у этого пути было начало! А это начало – мы, Света! Мы не имеем права отобрать у цивилизации шанс на существование! Просто не имеем! А меня ты прости, прости за все, пусть я самый ничтожный человек на Земле, а теперь это уж точно, но ты прости меня, ради будущего!

Алексей уже почти кричал, а Светлана сидела, будто окаменев и, похоже, не слушала его, не понимала смысла его горячих слов. Тогда он вскочил, вскрикнув от боли в ноге, встал перед Светой на колени и принялся целовать ее бессильно опущенные руки, затем поднялся, осторожно поднял Светлану за плечи и припал к ее губам тем самым поцелуем, что шесть лет жил в их памяти, без права на то и оттого полузабытый, но опять воскресший, как будто эти годы тоже рухнули в свою бездонную щель времени.

Проснулся Алексей от громкого тиканья будильника. Теплое женское дыхание обдавало щеку.

– Света! – тихо позвал Алексей, проведя рукой по мягкому плечу. Женщина вздрогнула и вдруг резко села в кровати.

– Что?! Какая Света?..

Алексей ошарашено молчал, вглядываясь в темноту комнаты, едва освещенную уличными фонарями. Наконец он догадался включить торшер. Заспанная и сердитая Ирина смотрела на него, щуря от света глаза.

– Так какая же Света тебе приснилась? – вновь спросила она.

– Приснилась? – Алексей все еще не мог прийти в себя. – Приснилась, – наконец произнес он снова и вдруг захохотал истерично-громко: – Приснилась! Ха-ха-ха! Мне все это приснилось! Иринка, мне все это только приснилось! Мне такое сейчас приснилось, Иринка! Такое! Ха-ха-ха!

– Ладно, разошелся, – прервала смех Алексея жена. – Давай спать, четвертый час ночи.

Алексей осекся и глянул на будильник. Пять минут четвертого! У него вдруг екнуло в груди, и он резко вскочил с кровати. Но тут же сел снова, вскрикнув от резкой боли в ноге.

Дважды живой

– Три миллиона жизней – это плата за независимость?!

Не сдержался, каюсь. Не люблю повышать голос, а тут не сдержался. Трудно быть хладнокровным, когда вот так, запросто, говорят о подобном. Гнусно при том ухмыляясь. Крутько вообще вызывал у меня невольное чувство брезгливости: лысый, гладкий, сально лоснящийся, он и сам походил на слизня. Даже в голосе его слышалась некая непристойная липкость.

– Вам жалко слизней?

– При чем тут жалость... – Я приказал себе успокоиться и, чтобы не встречаться с начальником взглядом, уставился на бледно-розовый прямоугольник выюшки, висящей над столом. – Но клейсты все же разумные существа. И они пока не убили ни одного человека.

– Они отняли у нас будущее! – вздернул белесые брови Крутько. – И они хотят править нами!

Я поморщился. пышные банальности в исполнении шефа казались пережеванными и выплюнутыми сгустками какой-то гадости.

– Если мы взорвем их каракатицу, будущего у нас все равно не прибавится, – выдавил я.

– Может да, а может и нет, – развел мокрые от пота ладони Крутько. – Есть мнение, что блокада зачатия имеет ментальный характер.

– Кинем монетку?

– Не ерничайте, Жижин! – Крутько свернул выюшку, поднялся и вышел из-за стола.

Я невольно шагнул назад. Шеф, видимо, принял это за жест моего отступления и растянул в мерзкой улыбочке губы:

– Впрочем, если вам их так жалко, могу предложить и бескровный вариант. Кстати, у слизней есть кровь?

– Я у них анализы не брал.

– А у наших, земных, есть?

«Проткни себе шкуру, узнаешь», – хотелось сказать мне, но я, конечно же, промолчал.

– Впрочем, не суть, – качнул Крутько лысиной. – Похоже, у нас появился действительный шанс обойтись без войны. – Он замолчал и уставился на меня жирно блестящими пуговками глаз, словно ожидая, что я сейчас всплесну руками, разохаюсь, засыплю его вопросами: что да как, дескать, да что же такое случилось, что я до сих пор не знаю!..

Откровенно говоря, мне и впрямь стало любопытно. Но доставлять Крутько удовольствие не входило в круг моих интересов. Я продолжал молча стоять, упорно разглядывая воздух в том месте, где недавно висела выюшка.

Крутько разочарованно хрюкнул и вернулся за стол, над которым опять расцвел розовый прямоугольник. Шеф дернул рукой и вместо изнанки выюшки мне стала видна ее рабочая область.

– Вот, посмотрите, – сказал он, – какую рыбку вчера изловили марсиане.

Я посмотрел. На экране колыхалась серая лоснящаяся туша клейста.

– Вы не станете меня уверять, что это их главный? – не удержался я от вопроса.

– Нет, – гаденько захихикал Крутько. – Это его любимая жена. Захотела по твердому прогуляться, на Марсе втихаря высадились, а тамошние глядаки даром хлеб не едят: цап-цапэ – и птичка в клетке!

– Это она вам сказала? – спросил я.

– Что именно? Что она птичка? – Шеф снова затрясся от смеха. – Или что рыбка?..

– Я думаю, вам следует обратиться к орнитологам, – сказал я, поворачиваясь к двери, – или к ихтиологам. «И к психиатру», – добавил я мысленно.

– Жижин! – взвизгнул Крутько, не успев я сделать и шага. – Уволю!

– Правда? – живо обернулся я. – Честно-честно? Врете ведь.

– Да что же ты за человек такой, Жижин! – смачно шлепнул по столу ладонями начальник. – Ведь решается вопрос жизни-смерти всего человечества! А тебе все бы хаханьки.

Мне очень хотелось ему напомнить, кто именно из нас только что скоморошничал, но я опять промолчал. Словно чувствовал, что нервы мне скоро ой-ей-ей как пригодятся.

Я полностью переключился на дело. Без спросу подкатил к столу кресло, сел, внимательно уставился на экран. По каким признакам можно было определить, кто именно из клейстов колыхался передо мной, я понятия не имел.

– Откуда вы узнали, что это жена жожака? – повторил я вопрос.

– Сама сказала. – Крутько тоже стал по-деловому серьезен. Даже липкости в голосе чуть поубавилось. – Парламентар подтвердил.

Парламентар слизней прибыл на Землю месяц назад. Он прилетел с Владом и Катей Рябинкиными, супругами-разведчиками, которых отправили к непонятной каракатице, неведомо откуда взявшейся между орбитами Земли и Марса. Гигантская конструкция в виде скобоченной раковины с множественными наростами оказалась космическим кораблем клейстов – представителей разумной расы, обитающей где-то в глубинах Вселенной. Где именно, клейсты не сообщили. Зато они поставили нас в известность, что хотят захватить Землю. На самом деле они выразились изящней: дескать, они хотят поселиться на нашей планете на принципах мирного с нами сосуществования. Правда, для этого им придется взять под контроль нашу рождаемость, чтобы самим клейстам хватило на Земле места и ресурсов.

В подтверждение, что они имеют для этого средства, слизи остановили рождаемость людей. Совсем. Полностью. Неведомым образом они заблокировали процесс зачатия. Наши ученые только разводили руками: что бы они ни делали, яйцеклетки не начинали делиться ни при каких, даже самых благоприятных условиях. Сперматозоиды оставались живыми-живехонькими, яйцеклетки – зрелыми и здоровыми, но зачатие не происходило. Почему? Непонятно. Никакого излучения, идущего от корабля клейстов, зафиксировано не было. Не было вообще ничего, что могло помешать миллиарды раз происходившему до этого процессу! Но больше он не произошел ни разу.

Высказывались разные предположения. И то, что излучение все-таки есть, только уровень земной техники не позволяет его обнаружить, или уровень человеческих знаний – распознать. Говорили также о некоем ментальном воздействии слизи на людей, но это уже больше пахло мистикой, тем более что такое ментальное воздействие применительно к процессу деления клетки никто объяснить не мог.

Было похоже на то, что пришельцы могли каким-то образом влиять на уровень вероятности. Ведь зачатие ребенка никогда не происходит стопроцентно, как бы велики не были для этого шансы. Клейсты же эти шансы убрали вовсе. Отменили, как устаревший закон. Правда, они обещали все вернуть – с определенными ограничениями и под их жестким контролем, – но лишь после того, как мы согласимся делить с ними планету. В противном же случае они попытаются захватить Землю силой, но даже если им это не удастся (можно, конечно, пройти по планете «огнем и мечом», но им же самим тут потом жить, зачем себе гадить?), они не сильно расстроятся, подождут; ждать-то всего лет семьдесят-восемьдесят, для клейстов это – тьфу, пара годиков. Глядишь, к тому времени подтянутся и остальные, ведь три миллиона слизи, прилетевших на каракатице, являлись по сути всего лишь передовым отрядом квартирьеров.

Парламентар выложил все это предельно откровенно. Клейсты оказались вообще очень правдивой расой; похоже, они в принципе не знали, что такое ложь. Если же правду

им сообщать не хотелось, как, например, о месте нахождения их родины, они просто отмалчивались.

Кстати, найти с ними общий язык, в самом буквальном смысле, оказалось делом непростым. Земные языки они изучать отказались, зато очень быстро научили своего наших переводчиков. Но речь клейстов оказалась настолько для нас чуждой, что даже просто разобрать, какие именно звуки произносят слизни, могли всего несколько человек. Одной из них была моя Маша. А произнести эти звуки, хотя бы приблизительно похоже, чтобы клейсты их поняли, умели лишь двое. Анна в том числе.

Машей звали мою жену, Анной – любовницу. Вернее, это я их так звал. Только так, и никак иначе. Мне очень нравится имя Анна. Я просто балдею от этого имени, такой от него веет искренностью, правильностью, благодатью. «Аня» же звучит слишком по-детски, по-малышовски, словно «нюни» или «ням-ням». «Анечка», «Анюта» и прочие цветочки-лютики отдают для меня безвкусицей и пошлостью. С «Машей» все чуть-чуть по-другому. Мне тоже претят слащавости в виде «Машенок» и всяких там «Манюнек» – бр-р-р!.. Но мне не нравится своим «классическим» официозом и полное имя – Мария. Когда я его слышу, хочется встать и запеть на латыни. А вот «Маша» – очень хорошо. Тепло, мягко, спокойно, уютно. Ма-ша... Моя любимая.

Да, я их очень любил. По-настоящему, всем сердцем. Обоих. Говорят, по-настоящему можно любить лишь одну женщину. Вздор. Чепуха. Кто установил это правило? Кто придумал эту откровенную нелепицу? Думаю, те, кто просто не умеет любить. Никого. Ни одну. Или же те, кто боится любить. А ведь любви тоже необходимы отвага и смелость.

Я не боялся. И моего сердца хватало для этой двойной любви. Я не лукавлю сейчас, не красуюсь. Я на самом деле любил их. Не скупясь на любовь, ни на что не размениваясь, ни на кого не оглядываясь. Просто любил и все. Дважды любил. И был дважды любим.

Анна любила поддразнивать меня: «Жи-Жин, дважды Жи, дважды живой!»

Я и вправду был дважды живым. Потому что любовь – это даже больше чем жизнь. А уж две и подавно.

Конечно, Маша знала о существовании Анны. Не в физическом, разумеется, смысле – здесь и так все понятно, они ведь вместе работали и даже в какой-то мере дружили. Нет, я имею в виду: Маша знала, что Анна моя любовница... Ненавижу это слово! Гнусное, липкое, скользкое... Моя любимая – так я называл ее. Только так было правильно. Для меня. И для нее. Но, Маше, я думаю, было легче считать и называть ее для себя именно моей любовницей. Мне так кажется. Я почти уверен в этом, ведь я хорошо знал свою жену. Да и как могло быть иначе, ведь я же любил ее... Впрочем, я повторяюсь.

Так вот, Маша наверняка знала, что Анна – моя любовница. Хотя я никогда не говорил ей об этом, не давал знать даже намеком. Не потому, что боялся скандалов, просто считал, что так будет правильней. Когда я был с Машей, мое сердце принадлежало только ей. Когда был с Анной, отдавал всего себя ей без остатка. Надеюсь, мои любимые видели это, чувствовали, понимали. Поэтому, думаю, и не заводила со мной Маша разговоров об Анне, как, впрочем, и Анна старалась не вспоминать при мне о Маше. И лишь когда мы были все вместе, а нас изредка сводила втроем только работа, я закрывал свое сердце на ключик, который оставлял в шкафчике вместе с гражданской одеждой.

Что-то подсказало мне тогда, что ключик этот мне вновь скоро понадобится.

Позабыв о брезгливости, я подался к начальнику:

– Что еще сказал парламентар?

– Догадался уже? – ухмыльнулся Крутько.

– Что еще он сказал? – отчеканил я каждое слово.

– Он сказал, что если мы вернем ее, их предводитель снимет блокаду.

– Жена ему так дорога, что он готов отказаться от Земли? – пришел мой черед ухмыляться.

– Наверное, дорога. Но я не думаю, – мотнул лысиной шеф, – что он так просто откажется от своих планов. Тем более, он всего лишь выполняет приказ. Хотя, свое обещание он сдержит, в этом я почти уверен. Не знаю только, что они придумают после.

– Вот после и посмотрим, – сказал я, – чего сейчас-то гадать? Сейчас нужно пользоваться шансом!

– Я тоже так считаю... – Крутько нервно защелкал пальцами, закрывая и вновь открывая вьюшку. – Но вот она, – ткнул он в распахнувшееся на полстола изображение, – возвращаться не желает.

Вероятно, своим обалдевшим видом я все же доставил шефу удовольствие. Но я был и впрямь ошарашен.

– Почему? – посыпались из меня вопросы. – Она знала о решении мужа? Ее правильно поняли? Кто переводил?..

– А ты не догадываешься, кто? – почтил шеф вниманием лишь последний вопрос.

– Жижина и Савельева?

Крутько дернул губами, хотел, видимо, ухмыльнуться. Но почему-то не стал. И даже вновь перешел на «вы»:

– Всеволод, вам придется подключиться к этому делу.

– Почему именно мне? Жижина и Савельева сами вполне...

– При чем тут ваши Жижина и Савельева?! – Крутько раздраженно взмахнул ладонью, и вьюшка с живым серым студнем зависла перед моим носом. – Это она так хочет!

Министерство Внеземных Отношений было создано сразу после прибытия на Землю парламентария клейстов. Создано в дикой спешке, а потому бестолково. Взять моего начальника, Крутько... Нет, не хочу его брать. Но уже на этом примере видно, что за организация у нас получилась.

Впрочем, возможно, я не совсем объективен. Наверное, потому, что с молодых лет привык во всем к военному порядку. Но военное ведомство перевело часть определенных... специалистов, в том числе и меня, в новое министерство. Даже не спрашивая, согласны ли мы. Правильно, на то мы и военные. Или уже бывшие военные? Хоть форму нам и оставили, носить ее не рекомендовалось. А штатские, вместе с их либеральными (читай: никакими) порядками меня всегда раздражали. Видимо, в первую очередь поэтому я сразу принял в штыки и своего нового начальника.

Теперь же и сам я портился на глазах, стремительно превращаясь в штатского. Я научился спорить с начальством, дерзить, даже порою хамить. На военной службе это было немыслимо.

Маша с Анной тоже заметили происходящую во мне перемену. Но и они, бывшие военные переводчицы, на «гражданке» откровенно расхлябались. Поэтому новое задание я решил использовать и в воспитательных целях. В том числе, самовоспитательных. О том, что Маша с Анной будут работать вместе со мной, я даже не стал уточнять. Они были лучшими из немногих, а для такого дела требовались именно лучшие.

Короче говоря, я собирался как следует погонять своих девчонок. Если бы я знал!.. Если бы я только знал, чем все кончится, я кнутом погнал бы их с этой службы, заставил выучить язык папуасов и отправил к ним на острова. А еще лучше – в Антарктиду, пусть бы там с пингвинами чирикали. Если бы я знал!.. Если бы я только знал...

Клейстиху держали на одном из подземных ярусов космодрома. Чтобы попасть к ней, мне пришлось пройти через добрый десяток пунктов охраны. Можно подумать, она и впрямь была птичкой и могла упорхнуть отсюда на крылышках.

На самом же деле супруга предводителя клейстов мало походила на птичку. Впрочем, как и на рыбку. Даже с земным слизнем сходство у нее было лишь приблизительным; на него намекала разве что омерзительно слизкая кожа.

Размером клейстиха была с добрую корову. Однако в отличие от милой, родной скотинки, у инопланетного создания отсутствовали не только рога, но и копыта. А также голова, хвост и остальные конечности. Клейстиха представляла собой бугристый, серый, тошнотворно блестящий слизью бурдюк. По-моему, убежать бы она смогла только от прочно вкопанного столба. Зачем ее нужно было охранять такими силами, для меня оставалось загадкой. И то, что перед встречей с инопланетянкой мне выдали мегаваттный лучер, вызвало во мне в тот момент улыбку.

Несчастное создание лежало возле крашеной шаровой краской стены в большой квадратной комнате с высоким, под три метра, потолком. По-видимому, раньше здесь был склад, о чем говорили ровные ряды следов от стеллажей на бетонном полу и едва уловимый запах смазочных материалов. Еще пахло кожей, но было ли это остаточным запахом, или так пахла сама клейстиха, я пока мог только догадываться.

При виде меня из-за длинного стола – единственного, кроме трех кресел, предмета интерьера – неспешно поднялись Маша и Анна. Какими же они у меня были красивыми! Грაციозная, гибкая Маша; от ее изящных движений у меня захватывало дух. Ее густая грива натурально-черных волос гипнотизировала меня и делала безвольно-послушным. Ее глаза... О! Ее глаза были самыми загадочными из всех, что я видел! У них имелась волшебная способность менять цвет. В обычном Машином состоянии я не мог распознать его точно, он казался мне то грязно-бурым, то болотно-коричневым, а вот когда жена волновалась, радовалась, сердилась, когда в ней бушевали эмоции, радужка наливалась зеленью. Глаза Анны мне тоже очень нравились, хотя и были они постоянного, обычного серого цвета. Но в них всегда посверкивали искорки. Я думаю, это искрилась живая, ироничная, легкая душа моей Анны. Такая же легкая, как воздушное облако ее рыжих волос. Они не были ярко-рыжими, изда- лека их цвет казался темно-русым, но вот вблизи... Вблизи в них ясно были видны оттенки огня, как и в самой Анне. А еще у моих любимых были очаровательные улыбки. Маша всегда улыбалась широко и открыто – улыбка была ее визитной карточкой. Увидев хотя бы раз этот ослепительный экспонат истинной женской красоты, трудно было не влюбиться в его обладательницу, что я и сделал когда-то. Но если Машина улыбка говорила, кричала: «Да, я такая! Я вся перед вами!», то улыбка Анны несла в себе тайну. Моя вторая любимая улыбалась реже первой, но когда она это делала, мое сердце начинало сбоить. И она это делала так, словно давала понять, что знает гораздо больше, чем то, что может и хочет сказать.

В тот раз они улыбались мне обе. И хоть мое сердце прыгнуло и ускорило ритм, я решил до конца сыграть роль строгого командира.

– Отставить улыбки, – сказал я. – Доложите обстановку.

– Сева, ты чего? – продолжала улыбаться Маша. – Крутько наехал, да?

– Не Сева, а товарищ май... – рыкнул было я, запнулся, поправился: – ...а гражданин начальник.

– Ты ничего не перепутал? – прыснула в ладошку Маша. Анна тоже захихикала.

Я смутился. И впрямь перегнул, кажется, палку. Слишком уж данное помещение напоминало тюрьму из старых фильмов, вот и возникли ассоциации.

– Ладно, – сказал я, – называйте меня по имени-отчеству.

– Слушаемся, Всеволод Кон-стан-ти-но-вич! – дружно отчеканили девчонки.

Клейстиха вздрогнула, по бугристой коже пробежала волна.

– Тише вы! – шикнул я, не отрывая взгляда от пленницы. Та больше не шевелилась. Я подошел к столу, сел в кресло, кивнул стоявшим по другую сторону Маше и Анне: – Садитесь.

– А доложить обстановку? – спросила Анна.

– Сядьте и доложите.

– Я?

– Лучше Жижина.

– А почему не я? – притворно-обиженно заморгала Анна.

– Отставить паясничанье! – прихлопнул я ладонью по столу. А потом все же плюнул на субординацию и взмолился: – Девчонки, ну давайте серьезней! Дело ведь и правда нешуточное. Рассказывай, Маша. Все-таки ты их больше понимаешь.

– Просто она их лучше слышит... – начала оправдываться Анна, но я погрозил ей пальцем, и моя любимая заткнулась.

А другая любимая стала рассказывать. Но ничего нового она мне не сообщила.

– Что ж, – вздохнул я с внутренним содроганием, – проведем прямую беседу. Господа переводчики, за работу!

Я откатился с креслом от стола и развернулся к инопланетянке. Та продолжала валяться недвижимым бесформенным мешком. По-моему, она даже не дышала.

И тут вдруг зафыркала Анна. Сначала я подумал, что любимой стало плохо. Но увидев, что лицо ее приняло серьезное выражение, а глаза устремились на клейстику, я понял, что Анна заговорила по-клейстски. Впрочем, «заговорила» – не то слово. Она фыркала, булькала, «пукала», щелкала, трещала и шипела; причем, с такой скоростью, что все эти идиотские звуки сливались в поистине придурочную какофонию. Полагаю, в любой психушке Анна стала бы мега-звездой с таким выступлением.

Серая, в тон здешним стенам, кожа пленницы вновь пошла волнами. Клейстика тоже запыхтела и зафыркала. Затем издала такой звук, что я невольно потянулся к носу, и замолчала.

– Госпожа Пфффррр готова беседовать с вами, – строгим дикторским голосом провозгласила Маша. На самом деле она произнесла имя пришелицы иначе, но мне его все равно не выговорить, тем более, не передать буквами.

Я кивнул и спросил:

– Почему вы захотели говорить именно со мной?

Анна снова зафыркала. Клейстика запыхтела в ответ.

– Потому что вы... мужчина этих особей, – с явной запинкой перевела Маша.

– Ну и что? – стараясь смотреть только на пленницу, спросил я.

– Так проще, – коротко ответила та.

– Кому?

– Всем.

Похоже, «дамочка» была не слишком разговорчивой. Тогда я задал главный вопрос:

– Почему вы не хотите возвращаться к мужу?

На сей раз инопланетянка пыхтела и фыркала долго. Дождавшись, пока она закончит, Маша перевела:

– Потому что в этом случае мы потеряем важный... козырь. Но нам нужна ваша планета. Моему мужу будет непросто придумать что-то еще столь же действенное. Военная агрессия также вряд ли принесет успех: вы достаточно сильны, а тотальное уничтожение вашей цивилизации навредит планете. Не выполнив миссию, мой муж рискует сильно пострадать. Я не хочу этого. Я очень люблю его.

– А разве не может быть так, что мы вас вернем, а ваш муж не выполнит обещания? – спросил я напрямик.

- Как это? – колыхнулась клейстиха.
- Ну, просто обманет нас.
- Сева, – сказала вдруг Анна, – я не могу это перевести. Слова «обман» нет в их лексиконе.
- «Схитрить»? – предложил я. – «Пойти на уловку»?
- Тоже нет. Есть некоторые аналоги, но вряд ли они передадут смысл вопроса. Попробовать?
- Не надо, – сказал я. – И так все понятно.
- Клейстиха вдруг вновь запыхтела.
- Она спрашивает, – сдавленным голосом сказала Маша, – любишь ли ты... своих женщин?
- Да, – ответил я, помедлив лишь долю мгновения.
- Тогда пусть они подойдут ко мне ближе, – перевела Маша, испуганно повернувшись ко мне.
- Спроси, зачем? – кивнул я Анне.
- Так надо, – ответила пленница.
- Кому?
- Мне.
- Сева, что нам делать? – зашептала побледневшая Маша. Лицо Анны тоже стало белым.
- Вы не причините им зла? – спросил я.
- Что такое зло? – переспросила пришелица.
- Так... – задумался я. – Если она не знает, что такое зло, может ли она его совершить?
- По-твоему, захват планеты – не зло? – тихо спросила Анна.
- Для кого как, – ответил я. – Для них – точно благо.
- Нам идти к ней? – подняла на меня глаза Маша. Сейчас они были зелеными.
- Клейстиха снова забулькала.
- Она нас зовет, – сказала Маша.
- Еще раз спроси: зачем? – обернулся я к Анне.
- Выслушав новую серию звуков, Маша сказала:
- Говорит, ей это очень нужно.
- Я вспомнил про лучер. Снял его с пояса и направил на пленницу.
- Анна, переводи. Если вы попытаетесь сделать что-то плохое с моими женщинами, я вас убью.
- Анна испуганно затарахтела.
- Хорошо, – перевела ответное тархтение Маша.
- Она все правильно поняла?
- Анна перевела мой вопрос. Маша перевела ответ:
- Я поняла вас. Если вашим женщинам станет из-за меня плохо, вы меня убьете. Уничтожите. Приведете в негодность.
- В абсолютную негодность, – подтвердил я. И посмотрел на Машу с Анной: – Ну что, пойдете? Как думаете, это на самом деле нужно?
- Как скажешь, – сказала Маша. – Ты командир.
- Не командир, – поправил я жену. – Начальник. И то маленький. Приказывать я вам не стану. Решайте сами. И учтите: насчет лучера я не шутил. Тронет вас, пусть пеняет на себя.
- Ее нельзя убивать, Сева, – проговорила Анна. – Ни в коем случае.
- Ага, – сказал я.
- Ну что, пойдём? – посмотрела Анна на Машу. Та пожала плечами и поднялась:
- Пошли.

Девчонки неуверенными шажками направились к серому бурдюку. Мне снова почудился запах кожи. И почему-то я совсем перестал волноваться за своих любимых. Даже когда они приблизились к пленнице, и из ее скользких серых складок вынырнули два толстых длинных отростка, похожие на щупальца, я не волновался. Я очухался лишь, когда прижатые этими щупальцами к телу клейстихи, завизжали Анна и Маша.

– Отпусти их! – подпрыгнул я с кресла. – Я буду стрелять!

Дурак. Я не подумал, что перевести мои слова некому. Обе переводчицы, заходясь криком, корчились в липких объятиях инопланетянки.

Я подскочил к ней сбоку, чтобы не задеть девчонок, и выстрелил. Сверкнул луч. Запахло озоном и сразу вслед – жареным. Запах был даже приятным.

Потом мы долго и молча сидели на бетонном полу. Маша и Анна – потому что не могли подняться, я – потому что не мог стоять.

Потом Анна сказала:

– Ее нельзя было убивать. Зачем ты это сделал?

– Зачем?! – вмиг подскочил я. – Затем, что мне нужны живыми вы! Затем, что я люблю вас!

Маша подняла на меня полные боли глаза. Зеленые. Как изумруд. Как кровь, вытекающая из обугленного бурдюка. «Все-таки у них есть кровь, – подумал я. – Надо будет сказать Крутько».

Я нырнул в зеленое пламя Машиных глаз. Я сказал:

– Да, я люблю вас. Обоих. И вы обе это знаете. А теперь живо в душ и переодеваться. Я пошел докладывать шефу.

Дважды дурак. Дудун. Шеф все видел и слышал сам. Едва успели девчонки выйти из комнаты, как за дверью послышался топот.

Крутько был омерзителен, как никогда. Он прыгал вокруг меня, брызжа слюной и потом, и орал:

– Что ты наделал?! Как ты посмел?! Я тебя уничтожу, сгною!

Я послал шефа по конкретному адресу. Он не пошел. Тогда повернулся к двери я.

– Стоять! – завизжал Крутько. – Ты хочешь, чтобы я объяснялся с министром?! Сейчас пойдешь к нему сам!

Я послал его снова. Он опять не послушался. Зато вдруг сник, сдулся, рухнул в кресло и сжал лысину ладонями.

– Что делать?! Что теперь делать?..

– Снять штаны и бегать, – сказал я.

Удивительно, но Крутько на это никак не отреагировал. Видать, и впрямь его припекло капитально.

– Ладно вам, – сказал я. – Что случилось-то? Вы давеча три миллиона собирались поджарить, и ничего. А я всего один бифштекс сделал. С кровью, кстати. Вы спрашивали.

– Что я спрашивал? – старчески прошамкал начальник, подняв на меня мутные глаза.

– Про кровь. У них есть кровь. Зеленая, – кивнул я на растекшуюся под тушей клейстихи лужу. – Когда лететь?

– Куда? – страдальчески выдохнул шеф.

– К главарю слизней, на их каракатицу, – сказал я. – Куда же еще?

– Зачем? Теперь-то зачем?

– Как зачем? Да все за тем же. Что изменилось-то? Парламентер уточнял, в каком состоянии должна быть клейстиха?

Глазки Крутько заблестели знакомым жирком.

– А ты того, Жижин! Не дурак.

«Еще какой дурак, – подумал я. – Трижды, четырежды, стожды. Ду-ду-ду-ду-ду-дун».

– У меня есть одно условие, – сказал я.

– Условие? – вздернул белесые брови Крутько. – У тебя? Да ты наглец, Жижин.

– У меня есть условие, – повторил я. – Я полечу с другими переводчиками.

– Чем же тебя не устраивают эти? – ухмыльнулся шеф.

У меня зачесались руки, но я сдержал себя.

– Они меня устраивают. Но эта операция будет очень опасной. Более чем. Туда не должны лететь женщины.

– Они не женщины. Они специалисты.

Я снова сдержался. С большим трудом.

– Они женщины. Есть специалисты-мужчины. Отправьте со мной Самохина.

– Самохин плохо понимает слизней. Только общий смысл. А говорить не умеет вообще.

– Пусть научится! – заорал я. – За что вы ему деньги платите?!

– Ты будешь указывать, как мне работать? – очень недобро улыбнулся Крутько. – Вот что, Жижин. Ты вроде бы мечтал, чтобы я тебя уволил? Так вот, я тебя увольняю. А на каракатицу полетят Жижина и Савельева. Я найду, с кем. Да хоть с тем же Самохиным.

Я сплюнул. Я шипел и дымился от злости. Но я знал, что эта сволочь именно так и поступит, если я стану артачиться.

– Хорошо, – скрипнул я зубами. – Я уволюсь после полета.

– Вот и ладненько! – вскочил с кресла начальник и потер потные руки. – Я на доклад к министру. А ты жди меня здесь. Охраняй ее, – кивнул он на обугленную тушу, – пуще своих любимых!

Жаль, я ему тогда не вмазал. Перехватило дыхание. А когда очухался – Крутько уже в комнате не было.

И все же, как я ни хорохорился, я очень боялся. Пока мы летели на каракатицу, я только и делал, что трясся от страха. «Жена» и «труп жены» – это были все-таки разные понятия. Не зря же клейстиха вынудила меня прикончить ее. Я ни на секунду не сомневался, что она это сделала специально. Значит, надеялась, что этим сорвет выполнение условия. Так посчитает ли главварь клейстов его выполнением данный возврат? И если нет, что он сделает с нами? Что он сделает с Машей и Анной? «В любом случае, – подумал я, – нужно будет давить на то, что клейстиху убил именно я».

Когда наш корабль причалил к каракатице, я сказал девчонкам:

– Вы должны переводить все, что я буду говорить клейсту. Слово в слово. Не задавая вопросов, не споря со мной. Понятно?

Девчонки молча кивнули. Им тоже было страшно.

К нам вползли три слизня. Двое забрали «бурдюк», третий велел нам раздеться. Я не мог понять, было ли это дурным знаком. Клейсты не носили одежды. Возможно, наше появление перед главварем одетыми казалось им неприличным. А может, они просто опасались, что под одеждой мы могли прятать оружие.

Я впервые увидел Машу и Анну обнаженными одновременно. Невольно я стал их сравнивать. Они обе были высокими; Маша немного стройней, зато Анна – фигуристей. Но обе они были настолько близки мне, были настолько моими, что сладкий ком закупорил горло.

Я поскорей выскочил из каюты за клейстом, чтобы девчонки не увидели моих слез.

Нас вели длинными извилистыми коридорами, точнее, рифлеными трубами, похожими на кишки огромной живой твари. Пол был теплым и упруго пружинил под босыми ногами. Возможно, каракатица и впрямь была живым существом – стенки «кишок» розовато светились и заметно пульсировали. Порой по ним пробегала волна судорожных сокращений,

словно каракатице было неприятно присутствие внутри себя чужеродных элементов, и она с трудом сдерживала рвотные позывы.

Пахло, на удивление, приятно, как в сосновом бору в жаркий день. Потом я учуял запах кожи. Он становился сильнее и сильнее, пока не перебил окончательно запах сосновой смолы.

Вскоре «кишка» расширилась большим вздутием. Стены в нем были бугристыми, как шкура клейстов, но телесно-розового цвета, как у «кишок», и тоже мягко светились. Посреди этого «зала» валялся знакомый обугленный бурдюк. Рядом лежал еще один, вполне целый. Его кожа была светлей, чем у прочих виденных мною слизней. На ней с едва слышимым бульканьем хаотично вздувались и опадали округлые наросты, словно внутри светло-серого кожаного мешка бурлила жидкость. Пара таких наростов вытянулась вдруг и превратилась в щупальца, которые протянулись к мертвой клейстике, коснулись ее, отдернулись, снова коснулись, заскользили по ее коже, обвили труп, вновь разжались, и опять стали гладить мертвое тело.

«Да он и правда ее гладит!» – понял вдруг я. Будто подслушав мои мысли, Маша шепнула:

– Он плачет. Он говорит: «Любимая, любимая...»

Мне стало нечем дышать. Ком опять стоял в горле. Я не мог это вытерпеть и рванулся вперед.

Внезапно из стены тоже вырвались щупальца, обвили меня и прижали спиной к упругой поверхности. Я попробовал освободиться, но грудную клетку стиснуло так, что хрустнули ребра. В глазах потемнело, я наверняка потерял бы сознание, если бы хватка чуть не ослабла. Достаточно, чтобы дышать, но не оставляя ни малейшей надежды на освобождение.

Придя в себя, я с ужасом заметил, что точно так же были «прикованы» к противоположной стене и Маша с Анной.

– Не дергайтесь! – крикнул я им. Но девчонки и не собирались дергаться. Похоже, они оцепенели от страха.

Я перевел взгляд на клейста. Его кожа опять была гладко-бугристой, без наростов и щупальцев. И она выглядела точно такой же по цвету, как и у других слизней.

– Анна! – позвал я. – Ты можешь говорить?

– Да, – едва слышно сказала моя любимая.

– Маша, ты в порядке? – обратился я к жене.

Моя любимая кивнула.

– Помните, о чем я просил? Пожалуйста, сделайте это!

Потом я вновь посмотрела на клейста и, стараясь, чтобы голос звучал твердо, сказал:

– Это я убил вашу жену. Я не хотел, я был вынужден это сделать. Но я не оправдываюсь. Я предлагаю сделку: жизнь за жизнь. Умоляю вас пойти на это и выполнить ваше обещание. Ведь я все-таки привез вам жену, не так ли?

Анна побелела. Но она исполнила мою просьбу, не стала ничего говорить мне. Она лишь передала мои слова клейсту.

Тот едва заметно вздрогнул и зашуршал. Теперь побледнела Маша. Она дернулась, и щупальца на мгновение вжали ее в стену. Маша вскрикнула, тряхнула черной гривой, судорожно вздохнула и наконец перевела:

– Мы всегда выполняем свои обещания, ты напрасно меня умолял. Но твоя мольба услышана. Выбирай, чью жизнь ты отдашь мне?

– Как это чью? Мою, конечно!

Девчонки разом охнули.

– Переводите! Без эмоций! Просто работайте, мать вашу!.. – заорал я на них. Это было первым случаем в жизни, когда я ругался матом на моих любимых. И последним.

Анна коротко булькнула. Клейст замурлыкал в ответ. Маша перевела. Без эмоций, как я просил:

– Не годится. Ты нужен для выполнения моего обещания. Оплодотворив земную женщину, ты снова запустишь механизм зачатий. К тому же, ты убил мою любимую. Предлагай в обмен жизнь своей. Так будет правильно.

– Что?!.. – В моих глазах поплыли круги, уши наполнились гудящей ватой. Я затряс головой. Я рванулся и, не обращая внимания на режущую боль от впившихся в тело щупальцев, закричал на Машу: – Ты хорошо его поняла?! Ты точно переводишь?! Ты не придумала это сама?!

Маша была похожа на перевязанный розовой ленточкой манекен, неестественно белый, с изумрудинами глаз и угольно-черными волосами. Она не ответила мне. Она вообще не шевелилась.

Вместо нее заговорила Анна. Очень-очень тихо. Но я услышал.

– Она перевела правильно.

Анна тоже выглядела белым манекеном. Даже блее Маше. Кожа у рыжеволосых вообще очень светлая.

– Не-е-ет!!! – Я рванулся так, что одно из щупальцев соскользнуло с плеча. Я вытянул к клейсту правую руку: – Нет! Это не честно! Они ни при чем! Это я убил твою жену, вонючий мешок, я, я! Вот этой самой рукой!

– Да, – монотонно перевела Анна ответ слизня, – твоя рука повинна в ее смерти.

Тонкое щупальце так молниеносно выстрелило из тела слизня, что я лишь услышал его свист и почувствовал острую боль в плече. На мои голые ступни упало что-то тяжелое и теплое. Я посмотрел вниз. Там лежала моя рука. Меня это тронуло не больше, как если бы это была палка. Тупо задергало в правом плече. Боку стало горячо и мокро. Я скосил глаза вправо. Возле обрубка плеча извивались короткие щупальца. Наверное, они обрабатывали рану. Боли, во всяком случае, я больше не чувствовал. Да мне было и не до этого.

Тем более Анна, расширившиеся глаза которой не отрывались от моей отрезанной руки, продолжала переводить:

– Выбирай. Я жду. Я знаю, ты любишь обеих. Я иду тебе навстречу, предлагаю выбрать самому.

Я чуть не выкрикнул: «Выбери ты!», но вовремя остановился. Это было бы предательством: гнусным, неискупимым. Но и сам – как я мог выбрать, кому из них придется умереть? Как бы я смог потом жить с этим? И как бы я смог потом жить с одной из них, зная, что ради нее погибла другая? Ведь я бы возненавидел ее! Так же, как я уже ненавидел себя. За свой длинный язык, за тупость, за трусость, за подлость, за все-все-все-все!..

– Убей меня, – попросил я. – Пожалуйста, убей меня! Не трогай их. Пусть они запустят механизм зачатия. Какая тебе разница, кто именно это сделает? Умоляю тебя. Умоляю! Хочешь – убивай меня медленно, отрезай каждый день по кусочку... – Я заплакал. Я больше не стыдился слез. Мне было стыдно, что я вообще существую.

– Ты хочешь заплатить слишком дешевую цену. Не годится. Выбирай скорей. Мне больше некогда ждать.

Сквозь туман слез я посмотрел на своих любимых. Я боялся, что они станут просить меня, умолять... О чем? О жизни? О смерти? Я боялся и того, и другого. Оказывается, я и впрямь был трусом. Но Маша и Анна молчали. Наверное, они раньше меня поняли, какой я сделаю выбор. Они очень хорошо меня знали. Гораздо лучше, чем я сам.

Клейст зачавкал. Анна перевела:

– У меня больше нет времени ждать. Если ты сейчас не скажешь, чью жизнь отдаешь, я убью их обеих.

Я кивнул.

Клейст понял меня без перевода. Розовые стены за спинами моих любимых прогнулись, щупальца втянули в образовавшиеся ниши Машу и Анну, а через мгновение стена снова выровнялась, испуская обычный бледно-розовый свет.

Оказывается, за тридцать два прожитых года я еще не испытывал боли. Потому что лишь в те застывшие для меня жуткой коростой мгновения я понял, что это такое. Наверное, я завыл, потому что заложило вдруг уши. Меня скрутило так, что на ногах я держался только из-за сжимавших меня щупальцев. Видимо, я все-таки терял сознание, потому что увидел вдруг, что стою в луже блевотины, хотя и не помнил, когда меня вырвало.

Тела клейстихи в «зале» не было. Сам клейст медленно удалялся к отверстию одной из «кишок».

Внезапно мне пришла в голову мысль, как можно было спасти Землю. Слизни не знают слова «обман». Они не умеют врать. А ведь это значит, что и правду от лжи они отличить не сумеют!

Но я уже говорил, что я дурак. Стожды дурак. Эта мысль посетила меня слишком поздно. То, что я придумал сейчас, уже некому было перевести. И все-таки я заорал ему вслед:

– Стой! Подожди! Я забыл рассказать, что просила передать тебе перед смертью жена! – Мне показалось, или клейст действительно вздрогнул? Может, они все-таки понимают русский язык?.. Но слизень продолжал ползти к выходу. А я продолжал кричать: – Она хотела, чтобы ты оставил Землю в покое! Ты слышишь? Оставь ее в покое! Я тоже тебя об этом прошу! Я заплатил тебе двойную цену! Ты слышишь меня, бурдюк с плесенью?!..

На космодроме меня встречал Крутько. Как он узнал? Парламентер?.. Вероятно. Слишком противно было думать, что шеф имел возможность подсматривать за нами даже там.

Он бросился жать мою руку. Левую. На отсутствие правой, по-моему, он даже не обратил внимания. Неужели все-таки подсматривал?..

Ладонь Крутько как всегда была потной. Я выдернул из нее руку и обтер о куртку.

– Поздравляю, Жижин, – лепетал шеф, – поздравляю! Они улетели! Каракатица со слизнями улетела! Вы настоящий герой! И... я сочувствую вам...

Наконец-то мне удалось послать его по-настоящему. С точным заданием курса. Для этого мне хватило и одной руки.

Позже я узнал, что о событиях на каракатице его все-таки информировал парламентер. У того с предводителем была постоянная связь. Возможно, ментальная. Но Крутько я от этого не стал любить больше.

И я не верил, что слизни улетели благодаря моей лжи. Вряд ли меня понял их предводитель. Скорее всего, он вернулся домой на время. Чтобы похоронить жену, посоветоваться с руководством, собрать армию для покорения землян... Мало ли зачем он мог улететь? И все-таки искра надежды во мне тлела. Ведь если клейсты и впрямь оставили Землю в покое, значит, Анна и Маша не напрасно погибли. Только это было сейчас для меня важным. Только это.

Вернувшись домой, я сразу пошел в ЗАГС. Ну, да, теперь он называется «Разделом гражданских свойств» в глобальной инфобазе, но старое название было для меня привычней; я еще застал время, когда в ЗАГС ходили не виртуально, а буквально, ногами. Или ездили на украшенных шарами и куклами каргах. Конечно, сейчас все было гораздо быстрее и удобней. Настолько быстрее, что меня, оказывается, уже успели развести с Машей.

«По причине смерти одного из супругов». Что ж, формулировка была верной. С поправкой: не одного, а обоих. А еще – Анны...

Я больше не был дважды живым. Я вообще больше не был живым. Я тоже умер. Дважды. И даже не умер – подох. Умирают люди. А разве мог я считать себя человеком после того, что сделал? «Ты дохлый, – сказал я себе. – Дважды дохлый. Додон».

Я открыл подраздел «Изменение личных данных» и оставил заявку.

В тот же день за мной пришли. «Вы должны исполнить свой долг», – сказали мне. Плохо сказали, как стилистически, так и по сути. Я не хотел ничего исполнять. И я никому ничего не был должен. Кроме тех, кого уже нет. Собственно, ради них я и подчинился. Иначе получилось бы, что они и впрямь умерли зря, что я предал их снова.

Я думал, у меня просто возьмут сперму. Но ученые решили не рисковать. Они сказали, что «пусковым механизмом» может быть сам процесс. Меня затошнило, но я опять подчинился. Я даже не помню лица той, кого ко мне привели.

Клейсты не знали слова «обман». Люди вновь могли размножаться. Земля ликовала. Может быть, рано.

Назавтра меня вызвали в Кремль. Я не собирался идти, но в последний момент передумал. Я больше не мог оставаться в пустом доме. Он стал мне чужим. В нем было место живым, а не дохлым. Тем более, дважды.

У кремлевских ворот меня встретили трое в серых костюмах. Долго вели длинными коридорами. Я вспомнил «кишки» каракатицы. Я вновь ощутил себя голым. Меня завели в большой зал. Там было много народу и света. Грянули аплодисменты. Заиграл торжественный марш. Я увидел Президента. Он смотрел на меня с доброй улыбкой, но в глазах его билась тревога. «Наверное, он очень устал, – подумал я. – Или просто боится покойников».

Кто-то взял меня под локоть и подвел к нему ближе. В зал обрушилась тишина.

– За спасение человечества, – провозгласил Президент, – Звездой Героя награждается Всеволод Константинович Жижин!

– Моя фамилия Додон, господин президент, – поправил я.

Тот жестом подозвал помощника, они зашушукались. Помощник часто-часто кивал надо лбом Президента. «Ему бы клюв, – подумал я, – сходили бы на выборы».

Наконец Президент откашлялся и вновь стал вещать.

– Звездой Героя, – сказал он, – награждается Всеволод Константинович Додон!

Он прицепил мне на грудь позолоченную железку. Пожал мою руку. Его ладонь была потной. «Как у Крутько, – подумал я. – А не послать ли его тоже?..» Разумеется, я не стал этого делать.

Меня снова вели длинными «кишками» Кремля. Те же самые, в сером. А может другие. Я вышел на улицу. Сорвал с груди мертвую железку и швырнул ее в урну. Поднял мертвые глаза к небу. Там горели звезды. Настоящие, живые. Я не знал, которая из них звезда слизней, и сказал просто в небо:

– Об одном прошу: оставь ее в покое.

Может быть

Вообще-то Семен любил одиночество. Даже в шуме городской суеты он умел абстрагироваться от толпы и оставаться одиноким. Сейчас, выжимая «до пола» педаль акселератора старенькой «девятки», он был тем более один, хотя и гнал жалобно подвывающий от непривычного обращения автомобиль именно к городу.

Одиночество разорвалось трелью мобильного. Истеричные вопли Ларисы заставили поморщиться и отодвинуть трубку от уха:

- Ты где?! У тебя есть совесть?!..
- Я еду, – сухо бросил Семен, едва разжав губы.
- Ты не можешь ехать быстрее?! Я тут...
- Я еду, – повторил он и отключился.

А уже в следующее мгновение он сделал то, о чем секунду назад не мог и помыслить. Впрочем, и сейчас, быстро перебросив ногу с педали «газа» на тормоз и вдавив его так же – в пол до упора, – он не понимал, почему и зачем это делает. Напротив, он знал, что делать это ни в коем случае нельзя как минимум по двум причинам: во-первых, как можно скорее ему нужно быть в городе, а во-вторых, тормозить на такой скорости столь резко чревато последствиями. Которые не заставили себя ждать...

«Девятка» испуганно завизжала покрывками, колеса пошли юзом, оставляя на сером асфальте жирный антрацитовый след. Машину повело на встречную полосу, разворачивая вперед левым боком; правые колеса медленно, словно нехотя, стали подниматься, но скорость была уже слишком маленькой, и они глухо бухнули по шоссе, раздосадованно скрипнув подвеской.

В тот самый момент, когда «девятка» окончательно замерла поперек встречной полосы пустой, на счастье, дороги, телефон затрезвонил снова.

* * * * *

Подрумянивая в который раз пухленькие щечки и поправляя прическу, Лариса явно нервничала, понимая, что они опаздывают. Новые туфли на высоченном каблуке уже стали немного жать, и Лариса подумывала о том, чтобы их снять. Туфли, причем как и платье, были куплены специально на торжество, и девушка в них выглядела сногшибательно.

– Все, хватит лопать печенюшки, – сказала она, осматривая себя в зеркало. – Ну, где же он? Мы ведь точно опоздаем.

Лариса еще раз коснулась волос наманикюренными пальчиками и нервно процокала каблуками к окну.

– Это свинство! – прошипела она, обведя взглядом двор и не увидев «девятки». – Родной теще – полтинник, а он... В кои веки выпал повод в ресторан сходить!.. Все, не будет через пять минут – пойду одна. Мне мама дороже этого... этого...

Лариса фыркнула, метнулась от окна и чуть не упала, подвернув длинный каблук. Со злостью она дернула ногой, и туфля гулко бухнула о стену. Через пару мгновений звук повторился – вторая нога тоже освободилась из тесного плена.

Лариса зашлепала босиком из угла в угол комнаты. Она сложила на груди руки, сдвинула брови, а глаза ее едва не метали молнии.

– Все, все, все!.. – продолжала шипеть она под нос. – Развод, нахрен! Надоело... Друг ему – дороже тещи! «Надо проводить... Я обещал!..» – Голос Ларисы при этих словах стал нарочито противным. – На автобусе твой Сашка не мог поехать? А вообще, может и Сашенька-то вовсе не «твой», а «твоя»? И на какую ты с ней станцию ездил – еще неизвестно! И ездил ли вообще куда-то?..

Лариса «накрутила» себя по полной программе. Теперь она была почти уверена в правоте своих подозрений. В очередной раз схватила мобильник. Раздраженно, едва не ломая ногти, потыкала клавиши, поднесла трубку к уху. И услышала: «Телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Ну!.. – задохнулась Лариса. – Ну, знаешь ли, милый... – Она швырнула мобильник в сумочку и с мазохистским злорадством сунула ноги в тесные туфли.

Через минуту входная дверь хлопнула так, что зазвенела посуда на кухне, и по лестничной клетке зацокали, затихая, одиннадцатисантиметровые каблук.

* * * * *

Он не любил отвечать на звонки с заблокированных номеров. А этот был как раз таким. Но пережитый испуг от неожиданного торможения, едва не закончившегося аварией, вымел из головы посторонние мысли.

– Алло, – сказал Семен и не узнал собственного голоса.

– Прибыл? – Голос звонившего тоже был незнакомым, а интонация – равнодушной и будто даже усталой.

– Куда?..

– Туда. – В трубке послышался вздох, словно разговор этот был собеседнику до чертиков скучен. – Съезжай с дороги и топай. По тропке. Видишь ее?

Нос «девятки» был как раз повернут сейчас в сторону леса. Подняв глаза, он сразу увидел ведущую к ближайшим деревьям тропинку. Кивнул, будто незнакомец мог его видеть:

– Да...

Телефон запищал гудками отбоя.

...На мгновение ему показалось, что тропинка эта очень знакома и как будто бы его ноги уже ступали по ней. Знакома, и в то же время нет. Сейчас Семен ничего не понимал.

– Дурацкий звонок! Что за шутник это был?.. – пробурчал он, вырывая на свою полосу. Повернул голову вправо, чтобы запомнить место с тропинкой, но той уже не было видно.

* * * * *

Ларисины пальчики непрерывно стучали по кнопкам мобильного телефона – девушка в очередной раз набивала сообщение мужу о том, что она о нем думает. Поймав такси, она продолжала писать.

– Куда едем, леди? – не дождавшись указаний, спросил водитель.

– Ресторан «Маски» на набережной!

– Слушаюсь.

Старенький серый «Опель» старательно рыкнул и вклинился в поток машин, который даже для небольшого города в вечерний час-пик был довольно плотным.

– Быстрей, – сухо скомандовала Лариса, не выпуская из рук телефона.

– Слушаюсь, – вновь кивнул седоватым ежиком водитель.

«Солдафон! – мысленно фыркнула Лариса. – Других слов не знает... Видать и впрямь из отставных военных». Впрочем, ей было сейчас не до таксиста. Телефон Семена по-прежнему не отвечал, и это выводило ее из себя.

– побыстрее не можете ехать?! – зло бросила она водителю.

– Я уже и так нарушаю... – виновато покосился на девушку таксист.

– А меня не волнует! Я вам деньги плачу и за скорость тоже!.. Я бы на автобусе быстрее доехала.

– Почему же не поехали?.. – буркнул водитель. Впрочем, тут же прикусил язык и немного прибавил скорость.

– Пререкаться дома с женой будете! – вскипела Лариса, оставив наконец-то мобильник в покое. – А сейчас вы либо прибавите скорость и через пять минут доставите меня к ресторану, либо высаживайте здесь и езжайте обслуживать похороны! Там как раз такие скорости требуются.

Водитель только скрипнул зубами и вдавил педаль «газа» до упора. Зеленый глаз светофора впереди сменился желтым. Лариса увидела это и сверкнула глазами на таксиста, который уже собирался тормозить:

– Не вздумай!.. Гони давай! Успеем!..

От наглости вздорной соседки тот даже растерялся. Мало того что командует, словно салаге-первогодку, так еще и «тыкает»! Ему, боевому офицеру! Мальчика нашла, соплюха!.. И так это разозлило отставного капитана, прошедшего и Афган, и первую чеченскую, что он затормозил вдруг прямо на перекрестке.

– Выходи!.. – сказал он, поворачиваясь к Ларисе.

Лицо таксиста при этом стало серым, губы побелели, а глаза налились такой ненавистью, что, казалось, темный лед, из которого они были сейчас выплавлены, разорвется в следующее мгновение острыми холодными осколками, и те вопьются в Ларисино лицо, обезобразят его оспинами множества ранок...

В следующее мгновение Ларисино лицо и впрямь обезобразили осколки. Но не льда, а лобового и боковых стекол, которые разлетелось от мощнейшего удара в пассажирскую дверь «Опеля» белой «девятки». Лариса успела увидеть ослепительное пространство белого света, а еще через мгновение ее уже не волновало ничего...

* * * * *

Семен вскинул руки, защищая лицо, глаза. Сжался в ожидании удара...

А через множество длинных и вязких, наполненных ужасом секунд, зловещую тишину разорвала трель телефона.

Семен разлепил веки, ожидая увидеть перед собой окровавленный труп Ларисы, вдавленный смятым в гармошку капотом его «девятки» в покореженные останки серого «Опеля». Но перед ним по-прежнему был лишь лес, в который вела от шоссе узенькая тропинка. Автомобиль Семена все так же стоял поперек встречной полосы. Мобильник же продолжал разрываться трелью. Семен взял его и чуть не выронил – так тряслись руки. Губы его тоже дрожали.

– Д-да?..

– Понравилось? – Голос был все тот же: равнодушный, усталый.

– Что вы хотите?.. – всхлипнул Семен. Потом все же собрался, постарался взять себя в руки. Получилось неважно, но голос, по крайней мере, перестал предательски дрожать. – Кто вы такой?

– Убери машину с дороги, – не меняя интонации, словно не слыша Семена, сказал незнакомец, – и отправляйся по тропинке. Никуда не сворачивай.

– А зачем... – начал было Семен, но трубка уже пищала гудками отбоя.

Отбросив телефон, он грязно выругался и, даванув на «газ», скатился на обочину. Вышел из машины, покрутил головой. Свежий вечерний воздух немного привел его в чувство, хотя он по-прежнему ощущал себя полным идиотом.

– Твою же мать!.. – проворчал Семен, нагнулся, достал из машины телефон и, даже не закрыв «девятку», решительно потопал по тропинке.

* * * * *

Зал ресторана освещали несколько вычурных люстр, заливая его приглушенно-мягкими, будто ласкающими кожу лучами. Но Ларисе на мгновение-другое показалось, что пространство вокруг нее буквально пропитано осязаемо плотным белым светом. Она невольно задержала дыхание, словно опасаясь вдохнуть в себя этот мертвенный свет. И ей стало страшно. Неосознанно, непонятно отчего, и поэтому страх стремительно вырос в полноценный ужас, едва не выплеснувшись в панику. Но так же быстро, как возник, он тут же улетучился. Вместе с ужасом исчез и густой белый свет, и Лариса снова смогла вздохнуть, не боясь захлебнуться белой призрачной массой.

– Блин, уже глюки!.. – шепнула Лариса и продолжила уже мысленно: «Все из-за этой скотины! Истрепал мне все нервы...» Рука ее потянулась было к сумочке с мобильником, но навстречу дочери уже бросилась разодетая в желтый бархат именинница:

– Лариса, доченька! А где...

– Мама, это что, намек на осенний возраст? – оборвала ее Лариса, указав прищуренным взглядом на платье. Именинница ничуть не обиделась на иронию дочери. Напротив, залилась неестественно громким смехом:

– Это намек на то, что золото не только снаружи, но и внутри, дорогуша! А золото, моя милая, ценится в любое время года и в любую пору зрелости.

– Ну-ну, – скривила Лариса губы в подобии улыбки.

– А где же твой самородок? – все же задала вопрос мать.

– Придет... – неопределенно ответила Лариса и решительно направилась к столам.

* * * * *

Тропинка виляла меж березок и елей, словно ей самой неведома была конечная цель, привести путника к которой и было ее предназначением. Семен этой цели тем более не знал. После получаса ходьбы он разозлился окончательно и всерьез подумывал уже о том, чтобы повернуть назад. Но тут густой ельник перед ним расступился, и тропинка вынырнула на большую круглую поляну, сплошь заросшую земляникой. Семен наклонился, чтобы сорвать алую каплю ягоды, но у него неожиданно закружилась голова. Перед глазами поплыло, стремительно заслоняя деревья и небо, ярко-белое пятно. Через пару мгновений Семена окружало всеобъемлющее белое пространство, в котором, кроме света, не было ничего, и он почувствовал, что и сам словно растворяется в этой белизне...

А потом обычный цветной мир обрушился на Семена разом. И он все-таки упал, в последний момент успев вытянуть руки. Рядом послышался звонкий смех:

– Какой ты неуклюжка у меня! На ровном месте растянулся!..

Все еще хихикая, Катя шлепнулась рядом с Семеном прямо в земляничные кустики.

– Ягоды же подавишь!.. – улыбнулся он и не удержался, обнял жену, притянул к себе. Широко распахнутые Катины глаза отражали небо. И столько в них было синего безоблачного счастья, что у Семена перехватило дыхание.

– Их вон сколько много, – прошептала Катя, перестав смеяться. – А ты у меня один...

В этот миг для Семена перестало существовать все, кроме ощущения того же бесконечного небесного счастья, что сияло в Катиных глазах. И был еще запах земляники. И мягкие губы жены, все с тем же земляничным запахом и вкусом.

* * * * *

– Вон, идет твой «самородок», – скривила капризные губы Лариса. – Явился!..

– Не мой, а твой, – усмехнулась именинница, но тут же сменила ехидную улыбку на приторно-сладкую, адресованную подошедшему к столику зятю: – Здравствуй, Игорек! Спасибо, что не забыл.

– Вы уж простите, Ольга Михайловна, дела!.. – прижал к груди левую руку Игорь, а правой протянул теще шикарный букет роз. – С днем рождения вас! Здоровья вам, счастья и любви, конечно же. Любви, как говорится, все возрасты покорны.

– Особенно твой! – фыркнула Лариса, презрительно сощутив глаза на мужа. – Кого на сей раз покорил?..

– Ларусик, – опустил на стул Игорь и обнял за талию супругу. – Ты ведь прекрасно знаешь, что я был на совещании...

Лариса не успела ни дослушать очередную «версию» мужа, ни придумать в ответ колкость пообиднее, как пол под ногами качнулся, глаза резануло ослепительным светом, но уже в следующее мгновение на женщину рухнула тьма...

* * * * *

Семен снова был в пространстве мертвенного белого света. Кроме этой плотной, почти осязаемой белизны, вокруг ничего не было. И никого. Ни Ларисы, ни Кати. Семен, ужаснувшись, понял вдруг, что помнит сейчас обеих!.. В нем словно жили сейчас два Семена – тот, который пошел три года назад на свидание к жеманной прелестнице Ларочке, и тот, кто послал тогда далеко-далеко эту капризную яркую пустышку, а через полгода встретил Катю... Ту, которая...

Додумать Семен не успел. Заверещал телефон. Именно заверещал – требовательно и будто бы даже злорадно.

– Понял? – прозвучал в трубке все тот же равнодушно-усталый голос.

– Что с ней? – не отвечая на вопрос, спросил Семен. – Что там случилось?

– Ерунда, разборки местной шпаны. Одни гуляли в ресторане, конкуренты подбросили взрывчатку. Перестарались, правда, – кроме бандитов погибли и шестеро посторонних.

– В том числе и она?..

– Ты ведь сразу это понял. К чему вопросы?

– Я не понял другого. Зачем вы мне это показали?

– Именно это, или вообще все?

– Про все я уже понял... Именно это зачем? Хотите сказать, что она и так, и так погибнет?

– Интересно, а что ты понял «про все»? – В голосе незнакомца впервые послышалось что-то живое.

– У меня было два пути. Я мог выбрать один из двух... Но какой же я выбрал на самом деле?

– Молодец. Почти верно. Только немного не так. У тебя есть два пути. Выбор за тобой.

– Но вы не ответили: Лариса погибнет в любом случае?

– В одном случае от тебя ничего не зависит. В другом – ты сам видел.

– Но я ведь не буду помнить про... вот это... Ну, когда выберу один из вариантов?

– Конечно, нет.

– Значит, аварии я избежать все равно не смогу?

– Не знаю. Ее ведь еще не было. Она только может быть. Все зависит от тебя. В этом случае, – подчеркнул последнюю фразу голос в трубке.

– Я могу подумать?..

– Думай. А потом нажми кнопку отбоя.

* * * * *

Он едва успел нажать кнопку, как телефон залился трелью. Семен поднес трубку к уху.
– Ты где?! У тебя есть совесть?!..

Июньская развилка

Сергей Сошников. 5 июня 20.. года, вторник

Компик на моей руке пискнул, словно нашкодивший котенок, виновато и жалобно. «Получено новое сообщение», – гласила надпись на дисплее. «Кому там не спится? – раздраженно подумал я, протирая глаза и усаживаясь в постели. – Из-за кордону, что ль, так некому вроде бы».

Развернув до удобочитаемого размера дисплей, я открыл сообщение. Текст был предельно лаконичен: «Встреча выпускников Питере Лиговский 135 кафе Незабудка 12 июня 20.. года, вторник». И все – ни подписи, ни адреса! Понятно, конечно, и так, что наша институтская группа собраться сподобилась. Хорошо, конечно, молодец, кто это придумал и подсуетился, но мог бы и подробней написать, хотя бы поздоровался что ли, да и представился... И почему ночью? Что это за спешка такая? Сегодня еще пятое только, вторник, неделя впереди... Стоп! А почему во вторник? Что за идиотизм?! Рабочий же день! В субботу все нормальные люди собираются на подобные мероприятия! Теперь вот отпрашиваться придется... Еще раз стоп! Это же праздник, День Независимости! Тогда еще ладно. Но все равно, лучше бы в субботу. Ладно, утром Мишке позвоню, – подумал я, снова погружаясь в прерванный сон. Приятное погружение не успело достичь своей цели. «Пи-и-и-у!» – снова мяукнул компик.

– Ты хоть бы на ночь его отключал, – пробурчала жена, тут же, впрочем, перевернувшись на другой бок и сонно засопев.

«Старт Селенбурга перенесен 15—20 12 июня 20.. года, вторник», – гласило новое сообщение, так же, как и первое, без подписи и без адреса. Это уже становилось интересным. Конечно, в принципе можно не ставить подпись под электронными письмами, можно поставить запрет на отображение исходящего адреса, но, во-первых, это было не принято, неэтично что ли, во-вторых информация в этих двух сообщениях не была ни конфиденциальной, ни какой-нибудь хулиганской выходкой, на шутку все это тоже было мало похоже...

Впрочем, это сейчас не так важно, есть там адрес или нет. А вот то, что «Селенбург» стартует 12-го, а не 15-го, как планировалось ранее, это уже для меня плохо... Это значит, что мне очень желательно быть на этом старте, следовательно, я не смогу попасть на встречу с одноклассниками. Черт! Как неудачно все это совпало!

И тут компик снова запищал, теперь уже даже как бы и не жалобно, а словно издеваясь. Тамара опять что-то раздраженно забубнила сквозь сон. А мне уже спать совершенно расхотелось. Я встал, вышел из спальни в зал и только уютно плюхнувшись на диван, развернул дисплей компика. «Бракосочетание Заволоцких Ухте 15—30 12 июня 20.. года, вторник». Здорово! Племянник женится! И, конечно же, двенадцатого! И опять без подписи и адреса. Вот это уже – ни в какие ворота! Не мог Вовка так по-дежурному, неуважительно сообщить любимому дядьке о своей свадьбе. Он бы, конечно же, прислал красочный файл с умопомрачительным дизайном, приглашение было бы если не в стихах, то уж расцвечено витиеватыми фразами точно. Значит, это писал не Вовка. Тогда кто? Его невеста? Я ее, конечно, не знаю, но сильно сомневаюсь, что Володя настолько потерял голову от любви, что доверяет своей будущей жене абсолютно во всем...

Мои недоуменные размышления по поводу странного приглашения были прерваны очередным писком компика. Я был уже просто уверен, что я кому-то снова понадобился «12 июня 20.. года, вторник»! Даже загадал: если это так – все у нас с Тамарой будет хорошо...

Конечно, откровенно говоря, это было не совсем честно: насчет 12-го я был уже уверен процентов на 99, а вот с Тамарой... У меня уже, наверное, такой бзик, тридцать лет вместе прожили, нормально прожили, Катьку с Виталькой вырастили, никогда по-серьезному и не ссорились даже. А вот поди ж ты – все эти тридцать лет я боюсь чего-то плохого. Не измены даже, нет, тут я Тамаре почему-то искренне доверяю, но мне всегда, с самого первого дня казалось, что она меня не любит, что вот-вот она устанет притворяться. Во многом моему настроению способствовал, конечно, характер жены. Она была молчуньей. И не только в прямом, так сказать, разговорном смысле. Она была молчуньей во всем. Никогда не кидалась на шею с радостным визгом после долгой разлуки, никогда не прислонялась к плечу влажной от слез щекой в минуты душевных страданий... Ничего – никогда. Первое время меня это невыносимо мучило, я искал причину в себе, но не мог найти. Тогда я спрашивал ее напрямик: «Тамара, почему ты так ко мне относишься?» и получал в ответ недолгое: «Как я к тебе отношусь?» «Никак! – сжав зубы, отвечал я. – В том-то и дело, что ты ко мне совершенно равнодушна!» «Это неправда, – тихо говорила жена. – Я тебя люблю, просто я такая...» И я со временем приучил себя принимать Тамару такой, какая она есть, хоть мне это и стоило немалых душевных мук. Зато подспудное ожидание скорой беды так и преследует меня все тридцать лет. Понимаю, что глупо, а вот ведь...

Разумеется, очередное ночное послание касалось непосредственно 12-го июня (так может сбудется то, что я загадал?): «Александров Славногорске рейсом 435 12 июня 20.. года, вторник». Сашка прилетает. Когда он был у меня последний раз? Лет десять назад, если не двенадцать! Канадец чертов! Так-так-так, а ведь в Канаде сейчас день. Может, хоть это?... Да нет же, тоже безымянное, как и все предыдущие! Да и стал бы так Сашка о своем приезде сообщать? Хоть бы слово «встречай» добавил. Хотя, именно с Сашкой-то мы можем разобраться прямо сейчас, раз у него день и будить никого не придется.

С опаской поглядывая на дисплей, ожидая нового сообщения, я набрал Сашкин номер. Его бодряя нестареющая рожа тут же засияла на экране.

– Серега! Привет! Ты как это собрался позвонить? Денег, что ли, надо?

Это была излюбленная шутка Сани Александрова, правда, смешной она была только в его понимании.

– Привет-привет... Не нужны мне твои деньги, сам могу дать, и не какие-то доллары, да еще канадские, а самые настоящие российские рубли!

– Да, – согласился Сашка, – от рублей грех отказываться. Но я все же возьму его на душу. Так что случилось? – Сашка стал серьезным.

– Ты мне сейчас письмо посылал?

– Нет. Что за письмо?

– О том, что ты в Славногоorsk приезжаешь.

– Честно говоря, даже и не собираюсь в ближайшее время, ты уж извини. Дела, понимаешь...

– Понимаю, конечно, ты у нас всегда самым деловым был.

Мы потрепались еще минут десять о том о сем, а потом я прилег тут же, на диване, и принялся обдумывать сложившуюся ситуацию. По разговору с Александровым получалось, что ночные сообщения – все-таки чья-то глупая шутка. Но уж больно хорошо тогда должен был знать меня этот неизвестный шутник. Ну, положим, о том, что старт лунного челнока меня непременно заинтересует, знают все. Как-никак, в осуществлении этой программы я принял в свое время самое непосредственное участие, и эпопея второго экипажа «Селенбурга» известна, надеюсь, каждому школьнику. А вот о моем племяннике из Коми знают только близкие родственники, которых не так и много. О Сашке Александрове и о нашей с ним давней дружбе знают все бывшие одноклассники, ну и еще десятка два-три людей, близких и не очень. Об институтском выпуске тоже, конечно, многие знают,

но таких людей, кто бы знал одновременно все эти четыре фактора, найдется, пожалуй, не так и много – опять же только самые близкие. Не укладывается в голове, чтобы кто-то из моих близких мог так странно и глупо шутить.

Тут мне в голову пришла вдруг идея, что по крайней мере прямо сейчас я могу узнать, переносится ли старт «Селенбурга». Я был уже почти уверен, что, как и в случае с Александровым, это сообщение окажется липовым. Однако, тут-то как раз компик выдал мне совершенно конкретную справку: «По просьбе участников экспедиции посещения лунной базы „Селенбург“, связанной с техническими причинами, старт космического челнока „Селенбург“ переносится на 12 июня 20.. года, 15 ч 20 мин по Московскому времени, космодром им. Кеннеди, мыс Канаверал, Флорида, США».

Так, 1:1. Теперь неплохо было бы убедиться по поводу свадьбы и встречи выпускников. Но звонить, что в Питер, что в Ухту, было все-таки неприлично рано. Ладно, подумал я, отложим эту проблему до утра. А пока я решил подремать пару часиков тут же на диване. Но выспаться мне сегодня было не суждено. Компик переливчато запиликал видеовывозом, и на экране возникла удивленная физиономия Сашки Александрова.

– Ну, старик, дела! – выпалил он. – Только мы с тобой пообщались, вызывает меня шеф и говорит, чтобы я готовился через неделю лететь в командировку! И куда бы ты думал?..

– В Славногорск? – спросил я, хотя и так знал ответ.

– Ну да! Ты представляешь? Это же просто невероятно!

– Это уж точно... Только ты знаешь, я ведь не смогу тебя встретить. – Я на секунду замешкался, увидев, что Сашка обиженно заморгал, и тут же стал объяснять: – Это напасть какая-то, Сань, но почему-то именно на двенадцатое июня выпали одновременно твой приезд, старт лунного челнока, свадьба моего племянника и встреча моих одноклассников, и все в разных городах, заметь. Но ты ведь не на один день приедешь?

– Не знаю, – все еще немного обиженно сказал Сашка. – Дня на три, наверное.

– Ну так не переживай, Сань! Останавливайся у меня, я у соседей ключи оставлю, если Тамара со мной поедет, а нет – так она тебя примет, как родного. А тринадцатого мы уж с тобой дадим шороху!

– Ну-у... – протянул Сашка, явно оттаивая. – Может, удобней все-таки в гостинице?

– Я тебе дам гостиницу! Даже не думай! Все, до встречи.

– Будь, – улыбнулся Сашка уже совершенно искренне.

Я откинулся на спинку дивана и снова задумался. Счет изменился – 2:0 в пользу неизвестного. Почему-то теперь я уже был уверен, что и два других сообщения попадут в точку. Что же это получается? Кто-то наверняка знает то, о чем не всегда на этот момент знают сами участники событий. Ведь Сашка, например, когда я получил сообщение о его приезде, не знал не только номера рейса (он его и сейчас еще не знает), но и вообще не подозревал, что грядет его командировка в Славногорск. Знал, конечно, его начальник, но не он ведь меня об этом известил. Странно все это как-то... Но если отбросить странности и не ломать голову о загадочном отправителе, если допустить, что информация и других двух сообщений достоверна, то что же мне делать? Сашку я, допустим, предупредил, проживет он как-нибудь день в Славногорске без меня, тем более – не загорать сюда едет, а работать. А как быть с Вовкой и его свадьбой? Обидится ведь... Ч-ч-черт! Ну пусть перенесет на субботу свадьбу, вообще, что за свадьбы середь недели, хоть и в праздник! Да и вообще, разве в праздник ЗАГС работает? Это, кстати, мы утром у Вовки уточним, оставим пока данный пункт под вопросом. Теперь одноклассники. Ну что, в самом деле, не обойдутся они без меня? Что, пятнадцать лет назад, когда в прошлый раз собирались, так уж прямо все были счастливы друг друга увидеть? Ну, интересно, конечно поболтать, вспомнить былое... Зато и грустно очень – хоть медицина и шагнула за эти тридцать лет так, как за триста не шагивала, но девчонки в пятьдесят с хвостиком совсем не так, как в двадцать с небольшим выглядят, что

и говорить. Да и мальчишки – не сильно лучше... Радости мало. Двоих вообще уже нет на этом свете... А с Мишкой, которого действительно люблю, мы и так видимся часто. Нет, даже если уж совсем честно, не очень мне хочется ехать на эту встречу, тем более такие дела. Обидятся, конечно, скажут: «Зазнался герой!» Ну и пусть. Позвоню, извинюсь, и достаточно. Ну не могу я ради этой встречи бросить «Селенбург»!

Вот я, кажется, и подошел к тому событию, игнорировать которое не могу и не хочу ни в коей мере. Казалось бы, семь лет я уже не участник программы, списан подчистую «на берег», а каждый раз вздрагиваю при словах «Луна», «Селенбург»; лечу, бросая все дела, на каждый старт очередного челнока. Там-то уж меня точно никто не ждет, хотя и делают вид, что польщены моим присутствием. Единственно, кто был бы действительно рад меня видеть – это экипаж легендарной экспедиции посещения под номером два: Славка Репин, Роб Карпентер, Джордж Макгреган и Жан Кили. Но ребята уже семь лет лежат в Пантеоне Славы, а я – единственный выживший, живу теперь на дивиденды от их подвига... Ладно, хватит, опять я об этом! Опять задрожали руки... Еще пореви! Нечего бичевать себя в тысячный раз за то, что не умер с ними. Ты не виноват, что именно тебе случай выбросил в тот раз фатовую карту. Все, закончили! Ша!

Я прошел на кухню и закурил, чего не делал уже месяцев шесть. Стало чуть легче. Руки перестали противно дрожать. Ушел из горла горчащий комок. И успокоившись уже окончательно, вдруг как-то отчетливо-трезво подумал: «А стоит ли ехать во Флориду? Зачем тебе это надо?» Хотя понимал, конечно, что все равно поеду.

Дождавшись восьми часов утра, так больше и не уснув, я позвонил Мишке Чеброву в Санкт-Петербург. Он уже проснулся и, видимо, завтракал, так как челюсти его ходили ходунком, а щеки едва помещались на экране. Он что-то промычал – скорее всего это означало приветствие. Подождав, пока друг прожует, я, поздоровавшись, спросил:

– Кто это встречу посреди недели придумал организовывать?

– А ты откуда знаешь? – удивился Мишка.

– От верблюда. Так значит это правда?

– Мы планировали на шестнадцатое, субботу, я уже тебе собирался звонить, но буквально вчера вечером все переиграли. Хрен его знает почему! Кому-то неудобно, кто-то уезжает, кто-то внуков рождает...

– Ну а двенадцатого мне неудобно. Я не приеду, Мишка. Ты уж не серчай. Действительно не могу! Шестнадцатого бы приехал, а двенадцатого никак. Извинись там перед всеми от моего имени. Ладно?

– Да я тоже тогда не пойду. Смотреть на эти толстые старые рожи...

Я невольно хмыкнул: Мишка никогда особо не выбирал выражения – что думал, то и говорил. Но самое смешное, что уж самая-то «толстая рожа» была как раз у Мишки.

– Да перестань ты ерунду городить! – сказал я. – Тебе-то чего не сходить?

– Ладно, посмотрим, – пожал плечами Мишка. – Но ты точно не приедешь?

– Не приеду, Миш. Попозже к тебе лично нагряну, может в конце месяца.

– Ага, давай! Позвонишь.

– Ну. Ладно, пока. Привет Наталье!

– Ты тоже – Тамаре.

Оставалась свадьба. Самый неприятный момент, тут уже действительно неудобно получается. «Неудобно штаны через голову надевать», – одернул я сам себя и набрал номер Володи Заволоцкого. Он, судя по мелькающим на заднем плане зданиям и деревьям, ехал на работу. Увидев меня, заулыбался радостно и открыто.

– Дядя Сережа! Здравствуйте!

– Здравствуй, Володя. Тебя, значит, скоро можно будет поздравить?

Вовка вдруг моментально насупился и помрачнел.

– Не с чем меня поздравлять...

– То есть как! А свадьба?

– А вы откуда знаете? – Глаза Вовки буквально полезли на лоб.

– Разведка работает, – отшутился я. – Так что, двенадцатого, точно?

Вовка замолчал, задвигал бровями, желваками, даже засопел, подбирая нужные слова.

Наконец выдавил:

– Не будет свадьбы, дядя Сереж...

– Чего так? – искренне удивился я, не зная, радоваться тому, что не придется расстраивать родственников, или огорчаться явными проблемами племянника.

– У нас свадьба была назначена на тридцатое июня. Еще ни приглашений, ничего не готовили, правда. Но Лизе вдруг захотелось, чтобы свадьба была не как у всех. Все обычно по субботам женятся, ну по пятницам еще, а она захотела во вторник, как раз праздник. Все бы ничего, да в праздник ЗАГС не работает. Но Лизка уперлась: хочу и все! Стала папочку дергать...

– А кто у нас папа?

– Мэр Ухты.

– Ого! Понятно тогда... Помог папа?

– Конечно помог! Ради любимой и единственной доченьки постарался...

– Ну и в чем же проблема?

– А в том, что я так не хочу! Что мы, особенные какие? Почему ради меня люди в праздник должны работать? И перед друзьями стыдно... И вообще, я сразу сказал, что свадьбы по благу мне не надо!

– А она? – спросил я, догадываясь уже, каким будет ответ.

– А она сказала, что ради моих капризов... Представляете, дядя Сережа, это мои-то капризы! Так вот, ради моих капризов она свадьбу переносить не намерена. И что, мол, свято место пусто не бывает.

Я немного подумал, как бы сделать это поделикатней, и сказал:

– А ты не думал о том, что, может, это и к лучшему?

– Думал. Если честно, я умом-то все понимаю, но вся беда в том, что люблю я ее...

– Тут я, Володя, ничем тебе помочь не могу. Хотя, знаешь что? Ты только глупостей никаких не делай, а я числа шестнадцатого-семнадцатого к вам подскочу. Договорились?

– Приезжайте, конечно! Мама обрадуется. Да вы за меня сильно не переживайте, справлюсь...

– Ну, тогда до встречи!

Стрелочник. 5 июня 20.. года, вторник

Все было рассчитано и проделано точно, но Стрелочник пунктуально и скрупулезно проверил все еще раз. До развилки оставалась ровно неделя. На этот раз развилка предстояла не очень критическая, но содержала довольно много веток. Четыре из них выводили линию именно к тому результату, который требовался хозяевам. Правда, этот результат приводил к очень печальным последствиям для обитателей данной планеты через пятьсот шестьдесят семь лет, но их судьбы волновали Стрелочника меньше всего. У него было задание, которое он выполнял, исходя из предоставленных вводных. Местные жители были для него лишь инструментом для достижения поставленной цели. Пешками, винтиками, чем угодно.

Историческую линию предельно упрощенно можно было сравнить с железной дорогой. Она тоже состояла из перегонов, веток, развилок и станций. Собственно, станций у истории было всего две: Начало и Конец. А вот развилок существовало великое множество. При-

чем, они могли быть как критическими, после прохождения которых было предельно трудно, а то и невозможно что либо исправить в истории даже через много веков, и некритическими, когда отходящие от таких развилок ветки когда-нибудь все равно возвращались на прежнее направление, иногда через годы, иногда через столетия. Функцией Стрелочника и было наблюдение за развилками, перевод «стрелок» в них на нужные «рельсы». Цель ставили перед ним хозяева. Стрелочник не знал и никогда не задумывался, для чего хозяевам нужны именно эти цели. Это было не его дело. Он делал свою работу.

Сначала он смотрел, какие ветки очередной развилки могут привести к поставленной цели, а потом начинал действовать. У линии были свои непреложные законы и особенности, отличающие ее от обычной железной дороги, но были и такие, которые действовали в обоих случаях одинаково. Так, на перегоне между двумя развилками никак нельзя было повлиять на линию. Конечно, теоретически можно было, как и в случае с железной дорогой, просто «взорвать» линию, пустив поезд под откос, но это была бы даже не конечная станция, а вообще конец, ни в коей мере не нужный хозяевам. Остановить «поезд» на перегоне нельзя было даже теоретически, существующие законы мироздания просто не допускали этого. Зато непосредственно перед развилками можно было с определенными степенями свободы манипулировать ветками, что, конечно же, на простой железной дороге сделать как раз нереально. Ветки порой существовали как бы сами по себе, не подходя вплотную к точке развилки, но все они группировались возле нее, переплетаясь между собой и извиваясь, как червяки в консервной банке. Задачей Стрелочника как раз и было отыскать подходящих «червей» и насадить их на крючок развилки. И, наконец, последним его действием в такой ситуации было «перевести стрелки» на нужную ветку. Обычно Стрелочник подбирал для надежности не менее трех подходящих веток, так как являясь предельно неустойчивыми по сути, ветки могли довольно быстро изменяться еще до момента развилки.

Часто причинами, меняющими ход истории и порождающими новую ветку, становились такие незначительные события, что отследить их было невероятно трудно. Маленький камешек, попавший кому-то в ботинок, может в конечном итоге вызвать такую лавину исторических катаклизмов, какую, в другом случае, не вызывает гибель целого города. На сей раз таким «камешком» стал некто Сергей Сошников, отставной космонавт. Именно его действия в очередной точке Развилки, 12 июня 20.. года, влияли на дальнейший ход истории, и только некоторые из них могли привести к результату, требуемому хозяевами. Хотя люди и являлись для Стрелочника всего лишь одушевленными инструментами, но инструментами, имеющими все же довольно сложную структуру, особенности которой он обязательно учитывал и использовал в своей работе. Такие человеческие понятия как дружба, любовь, ненависть, долг, страх, жадность, любопытство играли основную роль в выстраиваемых Стрелочником многоходовых комбинациях. В случае с Сошниковым беспроектными казались ставки на дружбу, профессиональный интерес и чувство долга. Поиском таких гарантированных веток и стоило заняться в первую очередь.

Стрелочник нашел четыре явные ветки, приводящие к нужному результату. Он незамедлительно запустил механизм «перевода стрелок» на них. Причем одна из этих веток уже отходила непосредственно из развилки – приезд в Славногорск Александра Александрова и его встреча с Сошниковым. Две другие находились от развилки совсем рядом, и притянуть их в нужную точку не составило Стрелочнику большого труда. Четвертая ветка – свадьба Владимира Заволоцкого – была, пожалуй, самой проходной, но она отстояла от развилки на значительное расстояние – почти на пределе допуска. Стрелочник, соблюдая все необходимые предосторожности, притянул и ее, но она быстро смутировалась и стала совершенно бесполезной. Теперь самой надежной оставалась ветка с «Селенбургом». Но и две оставшиеся были нелишним резервом. Теперь, когда механизм был уже запущен, оставалось только

ждать, вмешаться во что-то было уже поздно, «поезд» на полном ходу приближался к развилке.

Сергей Сошников. 12 июня 20.. года, вторник

Ракетоплан на Москву отправлялся только в одиннадцать, но я проснулся ни свет ни заря и теперь сидел в уютной кухне, потягивая обжигающий кофе. Как-то так получилось, что я за неделю не успел сказать Тамаре, что лечу сегодня во Флориду. Все эти дни носился где-то как угорелый по важным и не очень делам, приходил домой уставший, а поскольку Тамара никогда моими делами не интересовалась, то и я не особенно рвался чего-либо рассказывать. Да, страшно подумать, насколько чужими стали мы за тридцать лет! Или мне действительно это только кажется? А вдруг и на самом деле все совсем не так – Тамара просто не может по складу своего характера лезть ко мне с расспросами? И вот она ждет каждый день, каждую ночь, когда же я поделюсь с ней своими радостями и заботами, а я уже давно не считаю нужным этого делать...

Может, взять и предложить ей сейчас полететь со мной в Штаты? Но я тут же мысленно горько усмехнулся своей неожиданной идее. Какие Штаты, какой «Селенбург»? Ей это надо? А впрочем, мне самому-то это все-таки надо или нет? Что-то я так и не мог найти в себе убедительный ответ на сей вопрос. Совсем у меня было сейчас не то настроение, как всего лишь полгода назад, когда стартовал на Луну предыдущий челнок. Тогда у меня и тени сомнения не возникало, надо ли мне присутствовать на его старте.

Тамара вошла на кухню так неожиданно и бесшумно, что я даже вздрогнул. Она подошла к окну и стала смотреть на освещенные лучами восходящего солнца сопки. Она мечтательно улыбалась, и мне неожиданно показалось, что эти солнечные лучи осветили что-то и в ней, что-то такое, что я не сумел разглядеть за тридцать лет... У меня даже мурашки побежали по коже, настолько странное состояние испытал я в тот миг.

Не переставая улыбаться, Тамара сказала, как обычно тихо, но глядя мне прямо в глаза:

– А помнишь, когда мы еще не были женаты, мы проснулись как-то рано-рано и пошли на сопки встречать рассвет?

– Конечно помню, – ответил я. Я действительно отчетливо помнил этот поход, потому что нам тогда было по-настоящему хорошо, и потому что подобных воспоминаний было в нашей жизни, к сожалению, очень мало.

– А пошли туда сейчас! – неожиданно, казалось, даже для самой себя сказала вдруг Тамара.

– К-к-куда? – У меня даже язык присох к небу от удивления.

– Туда, на сопки.

– Но рассвет ведь уже наступил...

– Ну и пусть!

– Конечно, пошли, – будто бы кто-то посторонний пошевелил моими губами.

Мы лежали на самой верхушке сопки, разгоряченные после страстного акта любви, и молча смотрели в ярко-синее небо. Я подумал, что ребята, улетевшие сегодня на «Селенбурге», целых полгода не смогут увидеть этой синевы. Я подумал также о том, как легко, оказывается, бывает сделать выбор между чертовски важными вещами, отказавшись от этого выбора вовсе, если наградой за подобный поступок станет подобная минута, когда в счастливых глазах любимой отражается безоблачная небесная синева. И еще я подумал, что теперь у меня есть день, который я буду вспоминать до конца своей жизни: 12 июня 20.. года, вторник.

Подсадка

Я никогда не интересовался историей пивоварения – я просто люблю пить пиво. Знаю только, что варить его впервые начали чуть ли не в каменном веке. Варят и сейчас, в двадцать втором. И пьют, естественно. Что мы сейчас с Витькой Мазуруком и делаем.

Вообще-то нам алкоголь на время обучения запрещен. Точнее, мне запрещен, ведь именно я готовлюсь к участию в Полете, а Витька работает в техническом отделе Центра Подготовки. Ему в выходной пропустить кружечку-другую не возбраняется. Правда, он заказал уже четвертую. Зато я растягиваю удовольствие с одной-единственной. Все же голова у меня имеется, понимаю, что запрет на алкоголь не чья-то глупая прихоть, а жесткая необходимость. Поэтому я хоть и нарушаю сейчас, но совсем чуть-чуть, да и повод для этого имеется – я вошел-таки в число сорока счастливчиков, половина из которых отправится в Полет. Или в ПМП, как его сокращенно называют, что значит «Первый Межзвездный Полет». Но чаще этот поистине грандиознейший проект называют просто Полетом, зато именно так – с прописной буквы.

Старт назначен через год, точнее, через одиннадцать с половиной месяцев – 6 апреля 2162 года. Полетят двадцать человек – десять мужчин и десять женщин, – двадцать суперсчастливых из сотни тысяч кандидатов, прошедших первичный отбор. Всего же с просьбой зачислить в состав экипажа обратилось миллиона два желающих, насколько я знаю. Двадцать – из двух миллионов! Один шанс из ста тысяч! Я до сих пор не могу поверить, что мне так фантастически повезло. Хотя, стоп! Так можно спугнуть Удачу – я еще не в двадцатке. Как раз на следующей неделе и начинается цикл окончательных испытаний, в результате которых и будет сформирован окончательный экипаж «Экспансии» – первого межзвездного корабля человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.